

Санкт-Петербургский государственный университет

КОСАРЕВ Данил Вадимович

Выпускная квалификационная работа

Монархическая идея в «Кипрских речах» Исократы

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.01 «Филология»

Основная образовательная программа ВМ.5804. «Классическая филология и античная традиция в мировой культуре»

Научный руководитель:

доцент, к. ф. н.

Кафедра классической филологии

Тахтаджян Сурен Арменович

Рецензент:

гнс, д. и. н.

ФГБУН

«Институт восточных рукописей Российской академии наук»

Хосроев Александр Леонович

Санкт-Петербург

2023

Оглавление

Введение.....	2
1. Рассуждение о преимуществе единовластия в речи Никокла (3.14-26).....	5
2. Свидетельства о Никокле и Евагоре у других авторов	34
3. Сопоставительный анализ единовластия.....	46
Заключение	72
Список литературы	75

Введение

Данная работа посвящена разбору взглядов Исократа на единоличную власть на материале трех речей, объединяемых в «Кипрский цикл». В него входят: «К Никоклу», «Никокл» и «Евагор». Все три речи были написаны оратором около 370–360 гг. для саламинского царя Никокла. Скорее всего, царь был его бывшим учеником, на что оратор косвенно намекает (15.30). Его знакомство с кипрскими монархами состоялось через Конона, одного из любимых учеников Исократа, и его сына Тимофея [Forster 1912, 21]. По свидетельству Исократа Конон был другом Евагора, отца Никокла, и после разгромного поражения при Эгоспотамах афинский флотоводец нашел прибежище на Кипре. После победы над лакедемонянами обоим поставили статуи в Афинах, а Евагору даровали афинское гражданство (9.52–57). Не до конца ясно, был ли Исократ на Кипре. Сам он об этом напрямую нигде не упоминает. Однако он был осведомлен о титулах, которые носили дети кипрских монархов (9.72), возможно намекал на тайную полицию, существовавшую там (3.51), а также в «Жизнеописаниях десяти ораторов» Псевдо-Плутарх говорит следующее: ἀκροαταὶ δ' αὐτοῦ ἐγένοντο εἰς ἑκατὸν ἄλλοι τε πολλοὶ καὶ Τιμόθεος ὁ Κόνωνος, σὺν ᾧ καὶ πολλὰς πόλεις ἐπῆλθε (Pseud.-Plut., Vit. Or. 837c) — «Учеников у него было около сотни. Среди прочих был и Тимофей, сын Конона, с которым он (Исократ — Д. К.) посетил многие города». Все это позволяет заключить, что скорее всего Исократ действительно мог находиться какое-то время на Кипре.

Закончив обучение у Исократа, Никокл взойшел на престол около 374/373 гг. Находясь во власти около 12 лет, он погиб в 362/359 гг. Причины его смерти, а также все свидетельства о его жизни будут рассмотрены в отдельной главе. Спустя короткое время царь получает от Исократа три речи, призванные обратить молодого царя к идеалу правителя, каким его представляет оратор. Все три речи справедливо считаются исследователями наиболее яркой

похвалой единоличного правления во всем творчестве Исократа. Автор последовательно доказывает превосходство единовластия над народовластием.

В первой речи цикла «К Никоклу», автор выступает с наставлениями к молодому царю, стремясь показать, как надлежит себя вести добродетельному монарху (2.2). Речь устроена достаточно разрозненно, все советы «оторваны» друг от друга. Это признает Исократ, когда вспоминает эту речь в ходе своего судебного процесса (15.68) [Соловьев 2020, 13–14]. Вторая речь — «Никокл» — составлена от лица самого царя Саламина. В ней он выступает перед своими подданными, уже пробыв какое-то время у власти. Ее главная задача — показать обязанности подданных, как предыдущая речь показывала обязанности правителя (3.11). Третья и заключительная речь «Евагор» призвана создать для Никокла образ идеального правителя, на который ему следует равняться. В качестве примера неслучайно был выбран отец царя. Кроме очевидной семейной близости между ними, Евагор был достаточно яркой и сильной личностью. Он неплохо подходил в качестве образца для подражания.

В речи царя встречается самая яркая похвала монархии, а также последовательное теоретическое обоснование превосходства такого государственного устройства (3.14–26). Разбор этого доказательства кажется наиболее интересным, так как в нем пересекаются взгляды и интересы Исократа и Никокла. С одной стороны, Исократ пишет речь на заказ, ему необходимо, чтобы речь понравилась царю, следовательно встретить доводы в пользу превосходства единовластия над всеми другими государственными устройствами вполне ожидаемо. Тем более речь произносит сам Никокл. Таким образом слушатели и читатели речи не могут ожидать от царя критику своей власти и призывы к демократии. С другой стороны, даже несмотря на все условности этой речи, интересно рассмотреть аргументы, приводимые

Никоклом. Могут ли достоинства единовластия быть присущи и другим государственным устройствам?

Разобрав эти речи, можно полнее представить отношение Исократу к единоличному правлению. Считал ли он его лучшим, или же только признавал определенные достоинства, наряду с недостатками? Могут ли другие государства, в первую очередь Афины, перенять эти достоинства и таким образом улучшить систему правления? Насколько описание идеального правителя, какими выступают саламинские цари у оратора, соответствуют действительности? На эти вопросы я постараюсь ответить в своей работе.

1. Рассуждение о преимуществе единовластия в речи Никокла (3.14-26)

Основное представление о единовластии и его преимуществах в сравнении с другими формами государственных устройств можно получить из второй речи Кипрского цикла — «Никокл». Речь начинается с похвалы слову и искусству красноречия, признанием их достоинств, а также нападок на людей, очерняющих риторику (3.1–3.9). Следом идет план речи, намечаемый самим Никоклом, то, с чем он собирается выступить перед своими подданными (3.10–3.13). Он выделяет несколько важных для себя пунктов, которые собирается затронуть. Во-первых, то как следует поступать тирану по отношению к своему народу, однако, как сам Никокл и замечает, эту речь киприоты должны были только что (3.11) прослушать от самого Исократа, так что он не собирается повторяться. Во-вторых, то как следует вести себя подданным тирана. Про эти наставления он говорит так:

Εἰ μὲν γὰρ ἐμοῦ μὴ δηλώσαντος ἃ βούλομαι ποιεῖν ὑμᾶς διαμάρτοτε τῆς ἐμῆς γνώμης, οὐκ ἂν εἰκότως ὑμῖν ὀργιζοίμην· εἰ δὲ προειπόντος ἐμοῦ μηδὲν γίγνοιτο τούτων, δικαίως ἂν ἤδη τοῖς μὴ πειθομένοις μεμφοίμην (3.11) — «Ведь если вы будете уклоняться от моей воли, так как я не прояснил, что я хочу, чтобы вы делали, я не смогу справедливо на вас сердиться. А если же, когда я уже предупредил, но ничего из этого (того, что я хочу чтобы вы делали — *Д. К.*) не будет происходить, то тогда уже я смогу справедливо порицать неповинующихся».

Мне кажется важной эта ремарка. Она позволяет отчасти прояснить то, в каких отношениях находится правитель и народ. Идея, что царю необходимо объяснить то, чего он ждет от своих подданных, разумна [Crick 2015, 174]. Для Исократа важно показать, что правитель не находится в отрыве от своего народа, а наоборот, общается с ним [Konstans 2004, 118-119]. Пулакос [Poulakos 1997, 26-45] считает, что таким образом Никокл как бы дополнительно подчеркивает свои права на ведущую роль в полисе.

Обращаясь к своим подданным как один из них, при этом, конечно, не принижаясь, он выступает не просто как наследственный монарх, но и как лидер своего народа. Он не просто обладает царской властью, но он ее достоин. «Это объясняет акцент, который делает Исократ на рассказ о прошлом Никокла, рассказ, который предназначен для того, чтобы показать, что его восхождение к престолу было прямым следствием его поступков как гражданина» [Roulakos 1997, 31]. Частично это видно и в описании Евагора, когда Исократ говорит: ἀλλ' οὕτως ἀκριβῶς καὶ τὰς πράξεις ἦδει καὶ τῶν πολιτῶν ἕκαστον ἐγίνωσκεν ὥστε μήτε τοὺς ἐπιβουλεύοντας αὐτῷ φθάνειν μήτε τοὺς ἐπιεικεῖς ὄντας λανθάνειν (9.42) — «Но он так хорошо знал и общественные дела и каждого из сограждан, что ни злоумышленники не опережали его, ни люди образованные не оставались незамеченными». Именно то, что он знал каждого своего подданного, не отдалялся от них, приводится здесь как положительная черта. Похожее качество Исократ приписывает и Тесею. Он говорит про него так: ἐξ ἴσου τὴν ἀμίλλαν αὐτοῖς περὶ τῆς ἀρετῆς ἐποίησεν, πιστεύων μὲν ὁμοίως αὐτῶν προέξειν ἀσκούντων ὥσπερ ἀμελούντων (Isoc. 10. 35) — «он (Тесей — Д. К.) установил для них (афинян — Д. К.) соревнование в добродетели на равных условиях, веря, что он одинаковым образом превзойдет как тех, кто стремится к ней, так и тех, кто к ней безразличен». Царь должен обладать своими почестями не только по праву крови, но и потому что он первый из своих граждан. Он постоянно находится в условиях равной конкуренции с ними и тем самым не отдаляется от них. Однако возможно, что Никокл использует эти слова не в таком сильном смысле, как это видит

В предыдущей речи Исократ утверждает, что у самого царя есть ἔργον или «долг», который он должен выполнять (2. 9). Он говорит, что дело царя состоит в том, чтобы «избавлять город от несчастий», «защищать его благополучие» и «из маленького делать большим» (ibid.). Получается, что царь, требуя от своих подданных послушания, сам при этом обязан заботиться о них. Такое представление об обязанностях монарха, по всей видимости,

было распространено. В отличие от Платона, который считал, что человек, находящийся у власти должен заниматься воспитанием своих подданных, Исократ ставит более материальные цели. Также интересен Ксенофонт, его Гиерон утверждает, что тиранам выгодно, когда подданные бедны, так как тогда они более послушны (Xenoph. Hier. 5.4) [Usher 1990, 205]. Такое отношение к своему народу в корне отличается от подхода Исократ. Судя по всему такая позиция вряд ли разделялась и Ксенофонтом, так как Симонид призывает Гиерона: ἀλλὰ θαρρῶν, ὦ Γέρων, πλούτιζε μὲν τοὺς φίλους: σαυτὸν γὰρ πλουτιεῖς (Xenoph. Hier. 11.13) — «но дерзай обогащать своих друзей, Гиерон, ведь ты самого себя обогатишь».

Когда Никокл говорит о том, что ему следует побудить свой народ к послушанию, он видит два самых действенных способа: во-первых, объяснить, почему единоличное правление самое лучшее (3.12), а во-вторых, почему именно он достоин обладать этой властью. Прежде чем перейти к основной части рассуждения, стоит сказать пару слов о второй причине повиноваться. Зачем напоминать своим подданным, с которыми Никокл прожил всю свою жизнь, а родился он на Кипре и уже при правлении Евагора, что он обладает властью по праву? Вряд ли кто-то из слушающих не знал одного из сыновей своего царя. У меня есть два объяснения. Во-первых, известно, что Евагор закончил жизнь в ходе дворцового заговора. Как свидетельствует Феопомп [Theop. FrGrH 115 F 103.12], Евагора и его старшего сына Пнитагора убил некий евнух Фрасидей из-за того, что они посягали на его дочь. Исократ в своей речи, посвященной Евагору, это опускает, но, скорее всего, опускает умышленно. Смерть отца и старшего брата могла подвигнуть Никокла, который стал царем отчасти волей случая, напомнить своим подданным о своей «легитимности» как царя. Во-вторых, Исократ знал, что его речь будут читать не только на Кипре, но и например в Афинах, на которые позже будет в завуалированном виде ссылаться Никокл. Поэтому эта фраза может быть адресована не киприотам, а читателям не из числа граждан Саламина.

Не останавливаясь на простом перечислении вещей, которые необходимо выполнять подданным, Никокл решает убедить своих слушателей и в следующем: ὡς ἄξιόν ἐστιν ἀγαπᾶν οὐ μόνον διὰ τὴν ἀνάγκην, οὐδ' ὅτι πάντα τὸν χρόνον μετὰ ταύτης οἰκοῦμεν (3. 12) — «Что (это государственное устройство — *Д. К.*) достойно любви не только по необходимости, и не потому что мы живем с ним все время». Здесь можно увидеть намек на *πάτριος πολιτεία* «отеческое государственное устройство». Для Исократ, который достаточно часто ссылается на доблесть прошлых поколений и сравнивает их с нынешним поколением, слишком часто не в пользу последних, такое понятие очень важно [Jaeger 1987, 114-115]. Чаще всего он прибегает к этой идее, когда говорит о государственном устройстве Афин. Здесь же, возможно, он дополнительно усиливает таким образом слова Никокла. Он говорит, что монархия лучшее государственное устройство даже не только потому что это *πάτριος πολιτεία* для саламинян, но по более важным причинам.

Я перехожу к разбору наиболее важной для моей работы части этой речи, так как в ней Исократ от лица Никокла последовательно излагает общетеоретические доводы в пользу единовластия. Это параграфы 14–26, в которых единоличное правление сравнивается с народовластием и властью немногих, причем вывод всегда делается в пользу единовластия. Из аргументов, которые приводит Никокл в пользу единовластия, а также из критики других политических устройств, можно создать примерный образ той власти, которую приветствует Исократ.

Прежде чем перейти к обсуждению, стоит сказать, что, по всей видимости, для Исократ вопрос, каким именно должно было быть государственное устройство: монархическим, демократическим или олигархическим, не играл такую важную роль. Гораздо важнее для него личные качества правителя, чем является ли он избранным, или же получил

власть наследственно. Тем не менее из этого отрывка можно узнать проблемы политической жизни, которые волновали автора. [Eucken 1983, 256].

В речи «О мире» Исократ говорит следующее: τῶν μὲν γὰρ ἀρχόντων ἔργον ἐστὶ τοὺς ἀρχομένους ταῖς αὐτῶν ἐπιμελείαις ποιεῖν εὐδαιμονεστέρους, τοῖς δὲ τυράννοις ἔθος καθέστηκε τοῖς τῶν ἄλλων πόνοις καὶ κακοῖς αὐτοῖς ἡδονὰς παρασκευάζειν (8.91) — «Ведь долг правителей — своих подданных заботами о них делать более счастливыми, а обычай тиранов — трудами и злодеяниями другим предоставить себе удовольствия». Комментируя этот отрывок, Крик говорит: «Для него существует только два типа власти: правление и господство» [Crick 2015, 186].

Сравнение государственных устройств Никокл начинает со следующих слов: Περὶ μὲν οὖν τῶν πολιτειῶν ἐντεῦθεν γὰρ ὑποτιθέμενος ἡρξάμην οἶμαι πᾶσι δοκεῖν δεινότατον μὲν εἶναι τὸ τῶν αὐτῶν ἀξιοῦσθαι τοὺς χρηστοὺς καὶ τοὺς πονηροὺς, δικαιοτάτον δὲ τὸ διωρίσθαι περὶ τούτων καὶ μὴ τοὺς ἀνομοίους τῶν ὁμοίων τυγχάνειν (3. 14) — «Итак, о видах государственных устройств, ведь с этого я собирался начать, я считаю, что всем кажется наиболее ужасным почитать одинаково людей достойных и низких, а наиболее справедливым разделять их и не давать разным людям одинаковое».

Здесь Исократ выдвигает положение, которое по его мысли должно лежать в основе любого хорошего государственного устройства — отсутствие безусловного равенства. Как человек, родившийся и живший в Афинах, в полисе, которым руководило радикальное народовластие, он наблюдал ошибки, совершаемые таким государством (7.9–12). Видя, что государством правят люди, выбранные по жребию, а не по заслугам, он мог прийти к выводу, что такое устройство не может работать эффективно. Государством должны править знающие люди. Возможно, такие же взгляды были сформированы и под влиянием Сократа [Christodoulou 2016, 144], с которым Исократ был знаком, некоторые считают, что он был его учеником [Россиус 1987, 93].

Некоторые ученые скорее видят Исократа противником кружка Сократа. Недовольство оратора, возможно, вызывалось тем, что Сократ в основном занимался моральными вопросами, а Исократа же интересовало больше применение моральных ценностей на практике (2.39) [Jaeger 1987, 49-51]. Вообще идея политической власти как чего-то недоступного для большинства людей обнаруживается и во второй речи. Исократ говорит про ошибочное представление царской власти как дела доступного для любого человека (2. 6).

Продолжает свою мысль Никокл установлением первого различия между монархиями с одной стороны, и демократиями, вместе с олигархиями, с другой (3. 15). Одной из особенностей последних он считает то, что αἱ μὲν τοίνυν ὀλιγαρχίαι καὶ δημοκρατίαι τὰς ἰσότητας τοῖς μετέχουσιν τῶν πολιτειῶν ζητοῦσιν «олигархии и демократии стремятся к равенству для всех, кто обладает гражданскими правами». При такой власти действительно существует постоянное стремление уравнивать в возможностях всех людей, обладающих гражданскими правами. Вот, что пишет Аристотель по этому поводу: διὰ καὶ τίθενται τὸν ὀστρακισμὸν αἱ δημοκρατούμεναι πόλεις, διὰ τὴν τοιαύτην αἰτίαν: αὗται γὰρ δὴ δοκοῦσι διώκειν τὴν ἰσότητα μάλιστα πάντων, ὥστε τοὺς δοκοῦντας ὑπερέχειν δυνάμει διὰ πλοῦτον ἢ πολυφιλίαν ἢ τινα ἄλλην πολιτικὴν ἰσχὺν ὀστράκιζον καὶ μεθίστασαν ἐκ τῆς πόλεως χρόνους ὄρισμένους (Arist. Polit. 1284a 18–23) — «На этом основании государства с демократическим устройством устанавливают у себя остракизм: по-видимому, стремясь к всеобщему равенству, они подвергали остракизму и изгоняли на определенный срок тех, кто, как казалось, выдавался своим могуществом, опираясь либо на богатство, либо на обилие друзей, либо на какую-нибудь иную силу, имеющую значение в государстве» (пер. С. А. Жебелева). И такое положение дел для Исократа неправильно, так как он считает, что это преимущество для людей «низких» πονηροί. Почему же равенство возможностей является для таких людей преимуществом? Прежде чем ответить на этот вопрос, стоит понять, кого Исократ считает «дурными»

людьми. В его словаре, по крайней мере в Кипрских речах, явно прослеживается употребление нескольких постоянных слов, обозначающих участников политической жизни, кроме царя, естественно. Это слова τό πλῆθος «толпа», ὁ χρηστός «человек достойный», вместе с синонимом ὁ σπουδαῖος, а также ὁ πονηρός и ὁ φαῦλος «человек низкий, дурной». Вполне понятно, что скрывается за первым словом. Это люди по большей части не стремящиеся и не обладающие возможностью прямого участия в политической жизни. Они не стремятся занимать должности, однако именно они составляют большую часть населения полиса. Об отношении к толпе у Исократ я уже упоминал выше, у него нет осуждения этих людей, скорее патерналистское отношение к ним. А вот последние два слова уже могут быть использованы для обозначения непосредственно людей, которые занимают должности, ведут активную политическую жизнь.

«Людьми достойными» χρηστοί в первую очередь назывались именно люди благородного происхождения, аристократы. Часто их называли просто αὔθοι, а их противников какоί. Однако за этими словами стояло именно слияние более высокого социального статуса и моральных ценностей. Благородный человек обладает лучшими нравами, потому что в его роде есть великие люди. [Фролов 1991, 338; Доватур 1989, 65]. У Исократ, однако, картина мира более сложная, для него не имеет значение знатность человека, так как, обращаясь к Демонику, он пишет: καὶ μᾶλλον ἐθαύμαζεν τοὺς περὶ αὐτὸν σπουδάζοντας ἢ τοὺς τῷ γένει προσήκοντας· ἠγεῖτο γὰρ εἶναι πρὸς ἐταιρείαν πολλῶν κρείττω φύσιν νόμου καὶ τρόπον γένους καὶ προαίρεσιν ἀνάγκης (1. 10) — «и он (Гиппоник, отец Демоника — Д. К.) скорее почитал тех, кто заботится о нем, чем тех, кто принадлежал к его роду. Ведь он считал, что для дружбы природа гораздо важнее закона, поведение родовитости и выбор принуждения». Так что можно сделать предположение, что здесь идет речь не столько о знатности или богатстве человека, сколько о его политических взглядах и решениях, которые он принимает. Такие люди обладают «добродетелью» ἀρετή (2. 30). О

«людях низких» говорится же, что судьба предоставила им все, что им нужно было: богатство, славу и друзей, но они оказались недостойны этого (1. 49). Получается, что эти люди не являются «низкими» из-за своего происхождения или материального положения. На первый план Исократ выводит что-то другое. В начале речи «К Демонику» указывается, что главное различие между ними — «в общении друг с другом» ἐν ταῖς πρὸς ἀλλήλους συνηθείαις. «Люди достойные» чтут друзей даже когда они далеко, и при этом их дружба долговечна. «Недостойные» же только когда друзья рядом, при этом их дружба быстро заканчивается (1.1). Как мне представляется, на первый план выходит отчасти идеализированная и упрощенная картина всеобщего согласия в полисе. Честные люди в силу своей природной добродетели управляют полисом, или же наоборот управляются царем, как в случае с Демоником. Они регулярно вступают в должности и оберегают народ. При этом эти люди, или, как в случае с Никоклом, царь, не дают народу бесчинствовать над благородными мужами (2.16).

Отсюда становится более понятно, почему равенство между всеми гражданами становится преимуществом для таких «низких» людей. Эти люди не «чернь», как может показаться на первый взгляд, скорее наоборот. Это люди, обладающие возможностями для политической борьбы. Они могут и хотят получать государственные должности, войдя в которые, однако, они начинают наживать себе богатство в ущерб общественным делам. Именно эту проблему может решить единоличное правление, по мнению Никокла. Царь, который должен заботиться о своем государстве, как о личном имуществе (2. 19), видит, как и кто выполняет возложенные на него обязательства. Правитель должен быть заинтересован в увеличении богатства государства, так как от этого увеличивается его собственное имущество (2. 21, 31).

Важно отметить и еще одну вещь. В «Ареопагитике», речи содержащей, наверное, наиболее суровую критику современной Исократу демократии,

встречается следующий отрывок: Μέγιστον δ' αὐτοῖς συνεβάλετο πρὸς τὸ καλῶς οἰκεῖν τὴν πόλιν, ὅτι δυοῖν ἰσοτήτοι νομιζομέναι εἶναι, καὶ τῆς μὲν ταῦτὸν ἅπασι ἀπονεμούσης, τῆς δὲ τὸ προσῆκον ἑκάστοις, οὐκ ἠγνόουν τὴν χρησιμωτέραν, ἀλλὰ τὴν μὲν τῶν αὐτῶν ἀξιοῦσαν τοὺς χρηστοὺς καὶ τοὺς πονηροὺς ἀπεδοκίμαζον ὡς οὐ δικαίαν οὖσαν, τὴν δὲ κατὰ τὴν ἀξίαν ἕκαστον τιμῶσαν καὶ κολάζουσαν προηροῦντο καὶ διὰ ταύτης ᾤκουν τὴν πόλιν (7.21-22) — «Наиболее важным для хорошего управления своим городом у них (предков афинян — Д. К.) считалось то, что признавалось существование двух видов равенства, первое распределяло всем одно и то же, а второе подходящее каждому. Они не находились в неведении относительно полезного равенства, но отвергали то которое давало одно и то же людям достойным и низким, как несправедливое. Они предпочитали то, которое награждает и наказывает каждого по его достоинству, и по такому принципу управляли городом».

Видна яркая параллель между отрывками из «Ареопагитика» и речи Никокла [Norlin 1938, 84]. Хороший строй, который установили предки афинян, конечно, является достаточно утопичным. В этой фразе заметна и критика радикальной демократии, которая была установлена в Афинах в то время. Судя по всему, такое отношение к этому устройству было не только со стороны Исократ, но и Платона [Jones 1953, 4]. Образованным людям того времени не нравилось то, что наиболее важные должности выбирались по жребию. Я не думаю, что Исократ выступал против выборных должностей как явления, скорее ему не нравился элемент случайности. Между тем эта позиция не исключает возможности выбирать людей на государственные должности. Скорее всего Исократу больше приходилась по душе такая система, при которой в выборе на должность могли участвовать люди «достойные» χρηστοί, σπουδαίοι, а окончательное решение выносилось путем голосования среди этих людей. Такую систему выборов он упоминает в Ареопагитике (7. 22), где говорит следующее: οὐκ ἐξ ἀπάντων τὰς ἀρχὰς κληροῦντες, ἀλλὰ τοὺς βελτίστους καὶ τοὺς ἰκανωτάτους ἐφ' ἕκαστον τῶν ἔργων προκρίνοντες —«Они замещали

должности по жребию не из всех граждан, но избирали лучших и наиболее подходящих на каждое из дел». Должности являлись выборными, однако существовал ценз на возможность занять эту должность. В случае с царской властью на должности назначал сам правитель.

Необходимо сказать, что под «всеобщим равенством» понималась не только возможность каждого гражданина участвовать в управлении государством, но и равенство каждого человека перед законом. Скорее всего Исократ поддерживал эту сторону демократий, так как справедливый суд это одна из вещей, к которой Исократ призывает Никокла (2. 18). Хотя единоличный правитель не окажется перед судом, так как он является в первую очередь источником судебной власти.

Поэтому после указания на первый недостаток демократий и олигархий Никокл говорит о том, как монархии справляются с этой проблемой. Αἱ δὲ μοναρχίαι πλεῖστον μὲν νέμουσι τῷ βελτίστῳ, δευτέρῳ δὲ τῷ μετ' ἐκείνων, τρίτῳ δὲ καὶ τετάρτῳ καὶ τοῖς ἄλλοις κατὰ τὸν αὐτὸν λόγον (3. 15) — «А монархии больше всего отдают лучшему, затем следующему за ним, третьему, четвертому и другим таким же образом». Сразу за этим идет критическое замечание в адрес таких государств, а именно признание от самого Никокла, что это установлено не везде. Из этого принципа видно, что правитель распределяет должности так, как он считает нужным. Это теоретически должно исключить возможность попадания некомпетентного человека на государственную должность. В действительности, как это сам Никокл и признает, часто оказывается не так. Цари могут давать должности не по действительным заслугам человека, а скорее из своих личных предпочтений. В таком случае в должности вступают не «лучшие люди», а «льстецы» κόλακες, от которых Исократ так сильно стремится уберечь Никокла (2. 29, 2.28), или «худшие люди». Ойкен пишет: «Этот второй принцип является руководящим в политике, изначально разработанный для демократических условий и затем в речи к Никоклу

перенесенный на монархию, но там не говорится, что только монархия может это осуществить». [Eucken 1983, 256]

Продолжая свою мысль, Никокл говорит, что при тираническом правлении наиболее последовательно и лучше всего оценивается человеческая природа и поступки (3. 16). С чем, возможно, связано такое утверждение? Стоит сразу сказать, что «тираническое правление» τυραννίς здесь не имеет какого-то определенного негативного оттенка. Слова βασιλεύς и τυραννός в Кипрских речах используется без заметных различий [Parker 1998 165-166, , Alexiou 2010, 113]. Таким образом снимается возможный вопрос о такой форме скрытой критики Исократом царства Никокла. То, что правление Никокла называется тиранией, а он сам тираном, не следует воспринимать в негативном контексте. Так вот, возможное объяснение лучшей оценки исходит из положения, что сам правитель разумен и хочет преумножить состояние своего государства. Таким образом, он заинтересован в правильной и адекватной оценке своих подданных. О такой оценке Исократ упоминает и среди советов Никоклу, когда описывает то, каким образом ему следует выбирать советников (2. 50-53). Отдельно Исократ призывает: μηδὲ τὰ σπουδαῖα τῶν πραγμάτων μηδὲ τοὺς εὖ φρονοῦντας τῶν ἀνθρώπων ταῖς ἡδοναῖς κρίνειν, ἀλλ' ἐπὶ τῶν χρησίμων αὐτοὺς δοκιμάζειν (2. 50) — «о важности дел и о разумности людей судить не по собственным удовольствиям, но проверять по их полезности». Конечно, если бы такой принцип действительно был положен в основу любого единоличного правления, то тирании бы лучше всего разбирали природу людей. Однако необходимость отдельно проговорить этот совет Никоклу говорит о возможных недостатках царя, которые были известны Исократу. Тем не менее, как мне кажется, именно о таком принципе говорит Никокл, когда утверждает это достоинство тираний. Эта исходная позиция не подкреплена никакими реальными утверждениями, состоит исключительно из риторики.

Почему же народовластие не может установить у себя такой принцип? На этот вопрос Исократ здесь не отвечает, однако в речи «О мире» он упоминает, что в частных делах люди предпочитают пользоваться советами более успешных граждан, но в общественных делах пользуются советами других людей (8. 13). В этом отрывке он как раз описывает то, что происходит в демократических государствах.

Как уже было отмечено, идея того, что все богатство государства это в реальности личное состояние правителя встречается у Исократа неоднократно. Такую же точку зрения разделяет и Ксенофонт (Xenoph. Hier. 13–14) [Штраус 2006, 127], [Usher 1990, 208]. Единоличный правитель помимо моральных добродетелей также должен выделяться на фоне других и своими управленческими способностями. Идея того, что управление государством и управление своим домом суть одно и то же была характерна для современников Исократа. По этому поводу говорит и сам Никокл в заключении своей речи, утверждая, что при повиновении ему, «ваше состояние увеличится» τὸν βίον τὸν ὑμέτερον αὐτῶν ἐπιδεδωκότα (3. 63).

Следом за этим идет такой тезис: Ἀλλὰ μὴν καὶ πραοτέραν τοσοῦτον δικάως ἂν αὐτὴν εἶναι κρίνομεν, ὅσῳ περ ῥᾶόν ἐστιν ἑνὸς ἀνδρὸς γνώμη προσέχειν τὸν νοῦν μᾶλλον ἢ πολλαῖς καὶ παντοδαπαῖς διανοίαις ζητεῖν ἀρέσκειν (3. 16) — «Но мы можем справедливо рассудить, что такое государственное устройство является более мягким, так как легче сообразиться с мнением одного человека, чем стремиться приладиться к многочисленным и разнообразным суждениям». Это положение мне представляется важным, так как одно из главных признаков хорошего государственного устройства для Исократа это ὁμόνοια «согласие» [Romilly de 1958, 98]. В этом отрывке не сказано буквально о существовании «согласия» в монархических государствах и его отсутствии в демократиях, однако намек на это виден. Διάνοιαι «планы, настроения» усилены двумя прилагательными πολλαῖς «многочисленными» и παντοδαπαῖς

«различными, разнообразными». Такие «настроения» не могут не вызывать споров, обид, все это приводит к разобщению общества, чего в хорошем государстве быть не должно. Напротив, при единоличном правителе, так как политической оппозиции не существует, гораздо легче согласовывать все свои дела и соответственно споры не возникают.

Конечно, возникает вопрос, почему Исократ не берет во внимание то, что народ может возмущаться отдельных решений правителя. Тогда тоже будут возникать противоречия, только уже не внутри народа, а между царем и народом — ситуация, которая была очень хорошо знакома грекам. О такой проблеме упоминает и сам Исократ, когда говорит о том как скверно правили тираны прошлого (2.5). Более подробно он разбирает такое правление в «Елене» (10.32-34). Особенно важным здесь представляется следующий отрывок: Ὅρῳ γὰρ τοὺς βίᾳ τῶν πολιτῶν ζητοῦντας ἄρχειν ἑτέροις δουλεύοντας (10.32) — «Ведь он (Тесей — Д. К.) видя, что те, кто стремятся править согражданами силой, являются рабами для других». Правление «силой» над своими гражданами это черта плохо устроенного единоличного правления. В еще более явной форме Исократ говорит об этом когда убеждает Никокла в следующем: οὐκ ἐὰν πάντων ἀνθρώπων μετὰ φόβου καὶ κινδύνων καὶ κακίας ἄρξης, ἀλλ' ἂν τοιοῦτος ὢν οἷον χρὴ καὶ πράττων ὥσπερ ἐν τῷ παρόντι μετρίων ἐπιθυμῆς (2. 26) — «Если не страхом и опасностями и злобой будешь править всеми людьми, но если будучи таким, каким следует быть, и поступая так, как ты поступаешь сейчас, будешь стремиться к умеренному». Здесь снова повторяется это положение — править надо не страхом и угрозами, а благоволением и мягкостью. Затруднение вызывает отрывок τοιοῦτος ὢν οἷον χρὴ καὶ πράττων ὥσπερ ἐν τῷ παρόντι. Что значит «будучи таким, каким следует быть». Конечно в самом широком смысле ответ прост — «поступай так, как я советую тебе поступать в этой речи». Однако, если конкретизировать, то возможно здесь Исократ намекает на то, что он уже говорил какое-то время назад, а именно в параграфе 15: πρὸς δὲ τούτοις φιλόανθρωπον εἶναι δεῖ καὶ

φιλόπολι (2. 15) — «их (своих подданных — *Д. К.*) и город нужно любить». То есть снова акцентируется внимание на хорошем отношении к своим подданным.

Возвращаясь к возможности конфликта между подданными и правителем, мне представляются два возможных ответа. Первый — формально здесь говорит Никокл. Как царь, который выступает перед своими подданными, он сглаживает некоторые острые углы и выставляет все в намеренно идеализированном свете. Хотя в конце он отчасти и предостерегает своих граждан (3. 55). Второй — это общая вера образованных людей того времени в достойное правление добродетельного монарха. Человек обладающий такими выдающимися качествами, а Никокл Исократом изображается именно так, он принимает такие решения, которые не вызывают споры и несогласие. Надо отметить появляющееся слово *πραοτέραν*. Это слово несет в себе еще и политические коннотации. Это добродетель царя, который может прибегать к насилию, однако не делает этого.

«Мягкость» единоличной власти заключается в том, что подстраиваясь под желания одного человека, правителя, у людей больше шансов вызвать его благосклонность. Достаточно следовать его приказам. Сам Никокл говорит об этом (3. 48-49). А в демократиях, из-за того что существуют различные позиции, то необходимо выбирать одно решение из множества. Если же оно оказалось неудачным, то велик шанс оказаться в опале у народа и быть осужденным. Таким образом единоличное правление и получается более «мягким».

На этом утверждении заканчивается первая часть аргументов в пользу единоличного правления. Никокл говорит: *διὰ πλειόνων μὲν ἂν τις ἀποδείξειεν, οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ διὰ τούτων συνιδεῖν ῥαδίον ἔστιν· περὶ δὲ τῶν λοιπῶν, ὅσον αἱ μοναρχίαι πρὸς τὸ βουλευέσθαι καὶ πράξαι τι τῶν δεόντων διαφέρουσιν, οὕτως ἂν κάλλιστα θεωρήσαιμεν, εἰ τὰς μεγίστας τῶν πράξεων παρ' ἀλλήλας τιθέντες*

ἐξετάζειν ἐπιχειρήσαμεν αὐτάς — «При помощи еще большего количества доводов можно было бы показать это (что единоличное правление приятней, мягче и справедливей — *Д. К.*), но и благодаря этим это легко увидеть. А об оставшемся — насколько единовластия превосходят в советах и в свершении того, что необходимо, мы можем лучше всего увидеть, если попытаемся разобраться, сравнивая величайшие из дел» (3. 17). Таким образом Никокл подытоживает первую часть своей речи. В параграфах 14–16 он показал, что единоличное правление наилучшее по нескольким причинам. Первая, оно наиболее справедливое, так как правильным образом распределяет почести среди граждан. Вторая, оно более мягкое, чем народовластие, так как обычному человеку понятней, как получить благосклонность власти, а сама власть не стремится наказывать человека. Третья, она более приятная для самих «достойных» людей, так как лучше всего поощряет их и не дает затеряться в толпе. Эти три качества определяют то, как должно выглядеть идеальное государство для Исократов. Это строй, при котором царит согласие между всем членами общества и каждый из его членов имеет возможность получить свою долю почестей, если он это заслуживает. Это отмечает в своем комментарии и Джебб [Jebb 1880, 237].

Обязательно ли это должно быть единоличное правление? В первой части речи Никокла обнаруживается только один прямой выпад в сторону демократии. Он связан с полным равенством в избрании на государственные должности для тех, кто обладает гражданскими правами. Параллель же из «Ареопагитика» показывает, что это не выпад в сторону демократии вообще, а скорее в сторону радикального ее варианта. Все три главных достоинства, которые Никокл приписывает монархиям, вполне уживаются и с демократическими порядками. Такая критика радикальной демократии была не нова для современников, так как похожие мысли выражал Платон и Аристотель [Jones 1953, 4]

Сравнение Никокл начинает с утверждения, что люди, находящиеся на государственной должности всего год, а потом снова становящиеся частными лицами, уступают в опыте людям, постоянно находящимся на одной и той же должности (3.17–18). Здесь видна критика именно афинской модели государственного устройства [Mirhady, Too 2000, 173]. Скорее всего Исократ здесь намекает на ежегодное избрание стратегов и архонтов в Афинах и критикует именно это. Сменяемость власти и избрание каждый год новых архонтов — основа афинской демократии того времени. Никокл выступает против этого принципа. Однако есть ли тут критика выборности власти? Как мне кажется — нет. Критикуется не тот факт, что ее выбирают, а продолжительность нахождения в должности. Идея того, что люди, находящиеся на государственных постах, не должны так быстро сменяться, встречается у Исократа и в более поздней речи «О мире». Там он утверждает: *Τοσοῦτον δὲ διαφέρομεν τῶν προγόνων, ὅσον ἐκεῖνοι μὲν τοὺς αὐτοὺς προστατάς τε τῆς πόλεως ἐποιοῦντο καὶ στρατηγοὺς ἤροῦντο, νομίζοντες τὸν ἐπὶ τοῦ βήματος τὰ βέλτιστα συμβουλευῶσαι δυνάμενον, τὸν αὐτὸν τοῦτον ἄριστ' ἂν βουλευῶσασθαι καὶ καθ' αὐτὸν γεγόμενον* (8.54) — «Мы так сильно отличаемся от своих предков, что они ставили руководителями города и выбирали стратегами одних и тех же людей, считая, что человек, который может наилучшим образом советовать с трибуны, он сам бы лучше всего принял решение, оставшись сам с собой». Снова повторяется критика частой смены власти, однако ни слова нет о том, что руководителей не нужно выбирать. Скорее наоборот, их надо выбирать, однако выбирать нужно одних и тех же людей, так как они станут привычны к власти и смогут управлять городом лучше всего. Как упоминает Аристотель, только на должность стратега и члена Совета можно было быть избранным несколько раз (Arist. Ath. Pol. 62). Однако именно должность стратега была наиболее важна, так что для Исократа было важно, чтобы на государственных постах находились люди, которые бы обладали необходимыми знаниями и умениями.

Стоит обратить внимание на одну часть тезиса Никокла: ἦν καὶ τὴν φύσιν καταδεεστέρα ἔχουσιν ἀλλ' οὖν ταῖς γ' ἐμπειρίαις πολὺ τῶν ἄλλων προέχουσιν (3.18) — «Даже если они (те, кто всегда находятся на государственной должности — *Д. К.*) менее способны от природы, опытом они гораздо превосходят других». Здесь видно, что эту фразу произносит Исократ, а не Никокл. Трудно себе представить, что царь согласится, что он или тот, кого он поставил на должность, может быть менее способен к управлению, чем обычный гражданин полиса. Джебб предполагает, что здесь может говориться не о царях, а о его помощниках [Jebb 1880, 237–238], Форстер же придерживается мнения, что это все-таки οἱ μοναρχοί [Forster 1912, 137]. Я скорее склонен поддержать Джебба, так как контекст действительно подсказывает, что речь идет о людях, которые находятся в должности, а не о единственном правителе.

В любом случае наследственная природа власти может привести к тому, что у власти окажется недостаточно способный правитель, и следовательно на должностях окажутся люди, выбранные не по достоинству, но по личным предпочтениям правителя. Подданные же будут вынуждены подчиняться ему. Возможно это скрытая критика именно наследственной власти.

Следующим тезисом в пользу единовластия Никокл приводит: Ἐπειθ' οἱ μὲν πολλῶν καταμελοῦσιν, εἰς ἀλλήλους ἀποβλέποντες, οἱ δ' οὐδενὸς ὀλιγοῦσιν, εἰδότες ὅτι πάντα δεῖ δι' αὐτῶν γίνεσθαι (3.18) — «Затем одни (государственные деятели при демократии и олигархии — *Д. К.*) не заботятся о многих вещах, оглядываясь друг на друга, а другие ничего не упускают, зная, что все должно происходить благодаря ним». Под οἱ δ' можно снова видеть не самих монархов, но скорее их министров. Царь утверждает, что осознание своей ответственности за дела города вынуждает правителей действовать и заботиться о городе. По мысли Никокла, если такой личной ответственности нет, как это происходит при демократических режимах, то общественные дела остаются без внимания. Возможно, это своеобразная форма критики

коллективной ответственности за дела города. Нельзя тем не менее сказать, что в Афинах отсутствовала какая-то форма отчетности для людей, находящихся у власти. Они должны были предоставлять отчет о своих делах и пройти проверку насколько хорошо они справились со своими обязанностями. (Arist. Ath. Pol. 43. 4) С другой стороны, даже единоличный правитель не мог бы править в одиночку и выполнять все обязанности, тем более сам Исократ говорит, что Никокл будет нести ответственность за людей, которых он поставил на государственные должности (2.27). Так что здесь нет указания на то, что царь правит полностью самостоятельно. Возможно, что здесь критикуется слишком большое количество ответственных за одно дело людей. Из-за такой «коллективной ответственности» каждый ожидает, что его дело будет выполнять другой человек, и в итоге дело остается без рассмотрения.

Похожее утверждение высказывается Исократом в «Ареопагитике», он, обсуждая строй предков, говорит: (οὐδ' ... ἐσκόπουν), ἀλλὰ πολὺ μᾶλλον εἶ τινος πράγματος κατημελήκασι τῶν τέλος ἔχειν κατεπειγόντων (7.25) — «Но они (наши предки — Д. К.) гораздо скорее обращали внимание не оставили ли они какое-то дело из тех, которые требуют скорого завершения». Здесь уже нет точного указания причины такой заботы о делах города. Наиболее важным мне представляется здесь снова отсутствие критики именно демократических принципов управления. Нет указания на то, что именно выборность должностей принуждает людей оставлять без внимания общественные дела.

Далее идет следующий тезис Никокла: Πρὸς δὲ τούτοις οἱ μὲν ἐν ταῖς ὀλιγαρχίαις καὶ ταῖς δημοκρατίαις διὰ τὰς πρὸς σφᾶς αὐτοὺς φιλοτιμίας λυμαίνονται τοῖς κοινοῖς· οἱ δ' ἐν ταῖς μοναρχίαις ὄντες, οὐκ ἔχοντες ὅτῳ φθονήσουσιν, πάντων ὡς οἷόν τ' ἐστὶ τὰ βέλτιστα πράττουσιν (3.18) — «К тому же те, кто находятся на государственных должностях в олигархиях в демократиях, из-за своих соперничающих амбиций плохо управляются с общественными делами, а те,

кто находятся на государственных должностях в монархиях, не имея тех, кому они бы завидовали, преуспевают». Здесь снова возникает трудность с пониманием того, кто имеется ввиду под οἱ μὲν ἐν ταῖς ὀλιγαρχίαις καὶ ταῖς δημοκρατίαις и οἱ δ' ἐν ταῖς μοναρχίαις ὄντες. Джебб, обсуждая это, указывает две возможности: люди, которые живут при такого рода режимах, или же сами правители. В итоге он выбирает первое, такому же чтению следуют Норлин и Юн Ли. [Jebb 1880, 238] [Mirhady, Too 2000, 173] [Norlin 1938, 87]. Эту сложность отмечает и Форстер, однако не дает однозначного ответа [Forster 1912, 137]. Алексиу указывает, что термин φιλοτιμία достаточно часто появляется у Исократа — 32 раза. В своей статье он показывает, что это качество одобряется автором в том случае, если действия, вызванные этим качеством, направлены на общественное благо [Alexiou 2018, 116–122]. Здесь же очевидно, что Никокл указывает на это качество как на недостаток. Такое восприятие этого термина было тоже распространено, такие мысли встречаются у Пиндара (fr. 210 Sn.M. = Plut. De cohib. ira 457B), Еврипида (Phoen. 531–532) и Фукидида (2.65.7) [Alexiou 2018, 114–116]. Стоит обратить внимание и на то, по отношению к кому употребляется это слово. Еврипид вкладывает фразу в уста Иокасты, которая предостерегает Этеокла. Она называет φιλοτιμία — τῆς κακίστης δαιμόνων. Фукидид, говоря о демагогах, которые приняли власть после Перикла, указывает следующее: οἱ δὲ ταῦτά τε πάντα ἐς τοῦναντίον ἐπραξαν καὶ ἄλλα ἔξω τοῦ πολέμου δοκοῦντα εἶναι κατὰ τὰς ἰδίας φιλοτιμίας καὶ ἴδια κέρδη κακῶς ἔς τε σφᾶς αὐτοὺς καὶ τοὺς ζυμμάχους ἐπολίτευσαν (2.65.7) — «А они (демагоги — Д. К.) сделали все это наоборот и из-за собственных амбиций и личных интересов, в делах кажущихся далекими от войны, управляли государством скверно по отношению к самим себе и своим союзникам». Снова слово употреблено по отношению не к простым людям, но к руководителям города. Здесь Никокл употребляет это слово в похожем контексте. Мне представляется более убедительным отсутствие

такой зависти друг к другу именно у государственных деятелей, которые находятся во власти, чем у простых граждан полиса.

Вторым, менее сильным аргументом является тот факт, что на продолжении всей речи под отрезками οἱ μὲν и οἱ δὲ понимаются именно люди, находящиеся на руководящих должностях. Нет явных причин, зачем Никоклу, который критикует не простых людей, а именно занимающихся политикой, смещать акцент в сторону обычного гражданина.

Что касается второй части этого высказывания, то более подробно я ее разберу в следующей главе. Вкратце можно сказать, что отсутствие соперников у монарха позволяет ему не завидовать славе других людей, а сосредоточиться на выполнении своих обязанностей.

Затем Никокл утверждает две вещи: во-первых, при демократии люди большую часть времени занимаются частными делами и не успевают за делами общественными; во-вторых, даже если они занимаются общественными делами на *συνέδρια* «собраниях», то больше времени проводят ссорясь, чем совещаясь об общих делах (3.19). Про единоличное правление же утверждается обратное: так как у правителей нет ни собраний, ни выделенного времени для общественных дел, то, соответственно, они занимаются этими делами постоянно и не упускают «возможностей» *καιρός*. Обобщая, можно сказать, что здесь критикуется медлительность при принятии решений, которая вызвана двумя фактами: наличие у людей личных дел, о которых необходимо заботиться, и постоянные споры при принятии решений, которые еще сильнее затягивают и без того длительный процесс. В то же время единоличные правители действительно быстрее принимают все решения, так как ни советоваться, ни выслушивать других людей они не обязаны. Судя по всему, это осознавалось уже самими греками (Demosth. 18.294, 4.40–46) [Norlin 1938, 87]

Стоит разобрать это утверждение подробнее. Здесь отчасти повторяется мысль, которая была уже мной упомянута — отношение к государственным делам как к частным. Никокл приводит интересную мысль: из-за того, что все государство это в сути своей его частная собственность, то, даже занимаясь своими частными делами, он занимается таким образом общественными делами. Хороший царь, а Никокл, по его собственным словам, безусловно такой, будет обогащать себя не притесняя граждан, а наоборот стремясь к тому, чтобы их богатство увеличивалось. Что же касается своевременности действий, Исократ среди своих советов говорит следующее: Κράτιστον μὲν γὰρ τῆς ἀκμῆς τῶν καιρῶν τυγχάνειν, ἐπειδὴ δὲ δυσκαταμαθήτως ἔχουσιν, ἐλλείπειν αἰροῦ καὶ μὴ πλεονάζειν (2.33) — «Ведь лучше всего если появится самый лучший случай, если же сложно понять когда он будет, то предпочти оставить его и не зарываться». Здесь можно обнаружить картину слегка отличающуюся от того, что говорит сам Никокл. Скорее всего Исократ понимал, что царь, особенно молодой, может быть поспешен с решениями, и предостерегает его от слишком быстрых действий. Все должно быть вовремя, но если не он не будет уверенным в правильности решения — лучше отступить.

Следующим пунктом Никокл выставляет такое утверждение: Ἔτι δ' οἱ μὲν δυσμενῶς ἔχουσιν, καὶ βούλοιντ' ἄν καὶ τοὺς πρὸ αὐτῶν ἄρχοντας καὶ τοὺς ἐφ' αὐτοῖς ὡς κάκιστα διοικῆσαι τὴν πόλιν, ἴν' ὡς μεγίστην δόξαν αὐτοὶ λάβωσιν· οἱ δὲ διὰ παντὸς τοῦ βίου κύριοι τῶν πραγμάτων ὄντες εἰς ἅπαντα τὸν χρόνον καὶ τὰς εὐνοίας ἔχουσιν (3.20) — «К тому же одни держатся враждебно и желали бы, чтобы те, кто правил до них и после них, как можно хуже управляли городом, чтобы они могли бы получить как можно больше славы. А другие, так как всю жизнь являются господами, все время сохраняют и благожелательность». Здесь отчасти повторяется критика, которая уже встречалась в 18 параграфе — руководители государства должны быть постоянными. Однако приводится другой аргумент — из-за постоянной смены властей они стремятся не к тому, чтобы передав власть, их преемник стал править лучше, а к обратному. Это

представляется понятным и сейчас. Человек не может избираться на должность архонта два раза, поэтому он заинтересован в том, чтобы остаться в памяти людей как самый лучший архонт, а для этого нужно, чтобы последующие люди правили хуже, чем он. В то же время при длительном нахождении во власти у людей нет такого соблазна, так как зачастую они не могут соревноваться со своими преемниками, поэтому у них нет стремления к тому, чтобы эти преемники управляли делами хуже, чем они. Но есть желание превзойти предшественников. Как мне кажется здесь не стоит видеть продолжение мысли из 18 параграфа. Скорее говорится о славе вообще, к тому же в сравнении с предыдущими и последующими правителями.

Также важным мне представляется и то, что правитель, все время находясь у власти, сохраняет *εὐνοία* «благожелательный настрой». Как пишет Ромийи [Romilly de 1958, 95–97], такое отношение не только к гражданам города, но и к другим городам является обязательным для правителя. Исократ критикует Афины, что они сменили свою «доброжелательность» на «ненависть» *μίσος* (8.78). Здесь же Никокл, конечно, говорит скорее о хорошем отношении правителя к своему народу и к своим наследникам. Явно противопоставлена «враждебность» *δυσμενῶς* часто сменяемых лидеров и «благожелательность» постоянных вождей. Интересно, что, судя по всему, Никокл, а за ним конечно стоит Исократ, считает, что такое отношение можно передавать. Вот, например, что говорится в почти самом конце речи: *Μέγιστον ἡγεῖσθε καὶ δικαιοτάτων τοῖς παισὶ πλοῦτον παραδώσειν, ἣν αὐτοῖς δύνησθε τὴν ἡμετέραν εὐνοίαν καταλείπειν* (3.58) — «Считайте, что вы передадите своим детям величайшее и наиболее справедливое сокровище, если сможете оставить им нашу благожелательность». Таким же образом поступают и правители, находящиеся у власти продолжительное время.

Следующий аргумент сам Никокл называет «самым важным» *τὸ δὲ μέγιστον*. Аргумент заключается в следующем: *συμβούλοις χρῶνται περὶ αὐτῶν*

οἱ μὲν τῶν ἀστῶν τοῖς τολμηροτάτοις, οἱ δ' ἐξ ἀπάντων ἐκλεξάμενοι τοῖς φρονιμωτάτοις, καὶ τιμῶσιν οἱ μὲν τοὺς ἐν τοῖς ὄχλοις εἰπεῖν δυναμένους, οἱ δὲ τοὺς χρῆσθαι τοῖς πράγμασιν ἐπισταμένους (3.21) — «Одни (люди, живущие при демократии — *Д. К.*) пользуются в качестве советников наиболее дерзкими гражданами, а другие, выбирая из всех, самыми разумными, и одни почитают тех, кто умеет говорить перед толпой, а другие тех, кто знает, как распорядиться общественными делами». Здесь, как мне кажется, выражена исключительно позиция Исократ, который считал именно засилье демагогов главной проблемой современной ему афинской демократии. Стоит упомянуть и причину, по мнению Исократ, такого отношения к общественным делам: τοῖς γὰρ κοινοῖς οἱ μὲν ὡς ἀλλοτρίοις, οἱ δ' ὡς ἰδίοις προσέχουσιν τὸν νοῦν (3.21) — «Ведь одни подходят к общественным делам как к чужим, а другие как к своим». Я принимаю исправление, которое меняет местами слова ἀλλοτρίοις и ἰδίοις, так как иначе это утверждение выпадало бы из общей канвы мысли Никокла. Как я уже показал, он неоднократно говорит, что царское владение это его личное хозяйство. Слова οἱ μὲν постоянно обозначают министров или руководителей в демократических режимах, а οἱ δὲ в монархических. Кажется невероятным, что без соответствующего объяснения это поменялось. Скорее имеет место случайная перестановка слов ἀλλοτρίοις и ἰδίοις [Norlin 1922, 356–357]. Как отмечает Норлин, непонятно, вызвана ли эта ошибка обычной невнимательностью переписчика, или же тем, что это утверждение противоречит словам Исократ из другой речи, где он утверждает, что предки афинян относились к общественным делам как к собственным (7.24, 4.76).

Примечательно, что даже в отрывке, который самим автором помечается как наиболее главный, нельзя найти прямой критики демократии как принципа управления государством. Да, здесь явно есть недовольство современным положением дел, но нет и мнения, что все демократии обречены на такое существование. Проблема хороших или плохих советников, а также того, к кому прислушивается правитель, единоличный ли это правитель, или же народ,

по-видимому, волновала греков. Параллельные места можно найти не только у Исократ, но и у Геродота и Аристотеля. Однако более подробно об этом я буду говорить в следующей главе.

На этом заканчивается вторая часть сравнения Никоклом демократии и монархии. Вкратце повторю основные положения, выдвигаемые царем против демократии: 1) краткий срок пребывания на государственных должностях, что не позволяет руководителями освоиться на своем месте; 2) отсутствие личной ответственности за дела города; 3) стремление демократических лидеров превзойти друг друга, пренебрегая общественными делами; 4) медлительность демократических режимов при принятии решений; 5) недоброжелательное отношение лидеров демократии друг к другу. Из всего этого, как мне кажется, критикой именно демократии как принципа государственного устройства, с некоторой осторожностью можно назвать четвертый пункт. Такая медлительность при принятии решений не может не возникнуть, когда мнения многих людей должны быть учтены. Только когда человек обладает властью все решать самостоятельно, решения могут быть приняты в кратчайшие сроки, но если же есть какие-то люди, с мнением которых необходимо считаться, то различные проволочки неизбежны. Хотя Исократ мог считать, что если городом правят «достойные люди» *ἡρώστοι* и в городе царит «согласие» *ὁμόνοια*, то и никаких споров не будет. Можно обратить внимание и на стиль аргументов, которые приводит Никокл в защиту своих взглядов. Нет ни одной реальной ситуации, которая могла бы иллюстрировать его слова. Это исключительно обобщения. Не думаю, что это должно говорить о силе или слабости такого рода аргументации. Дальше же будут появляться исторические примеры, подтверждающие, по мнению Исократ, сформулированные им положения.

Последний отрывок, который я хочу разобрать, связан с превосходством единоличного правления на войне. Никокл уделяет этому достаточно большое

внимание: 22–25 параграфы. Начинает он с перечисления тех возможностей, которыми обладают тиранические государства: Καὶ γὰρ παρασκευάζασθαι δυνάμεις καὶ χρήσασθαι ταύταις ὥστε καὶ λαθεῖν καὶ ὀφθῆναι, καὶ τοὺς μὲν πείσαι, τοὺς δὲ βιάσασθαι, παρὰ δὲ τῶν ἐκπρίασθαι, τοὺς δὲ ταῖς ἄλλαις θεραπέαις προσαγαγέσθαι μᾶλλον αἱ τυραννίδες τῶν ἄλλων πολιτειῶν οἷαί τ' εἰσίν (3. 22) — «Ведь и подготовить силы, и пользоваться ими так, чтобы скрыть их и показать, и одних убедить, других заставить силой, третьих подкупить, а четвертых привести на свою сторону другими услугами, к этому всему лучше других государственных устройств пригодны тирании». Здесь я оставляю рукописное чтение ὀφθῆναι, которое исправляли на φθῆναι [Тахтаджян 2022]. Все эти преимущества, перечисленные Никоклом, можно отнести не только к войне вообще, но и к отношениям с другими государствами. Возможно, что Никокл здесь подразумевает большие возможности единоличных правителей в отношениях вообще. Это занимало и Исократа, так как в свои советы он включает и предложения о том, как вести себя с другими государствами (2. 24–26).

Никокл говорит, что все это легче увидеть не только из «слов» λόγων, но скорее из «дел» ἔργων. Я уже выше отмечал эту смену аргументации: с чисто риторической и теоретической на фактическую. Это может говорить о реальном превосходстве таких государств на войне и существовании прецедентов. Примерами для Исократа выступают не только монархические государства в «узком» смысле слова, такие как Персия и Сиракузы, но и Спарта и Карфаген, которые «в мирное время управляются немногими, а на войне подчиняются царям» (3. 24) [Eucken 1983, 257]. Интересно то, что Исократ вкладывает в уста Никокла признание могущества Персии и возводит это могущество напрямую к их государственному устройству. Он говорит: Τοῦτο μὲν γὰρ τὴν τῶν Περσῶν δύναμιν ἅπαντες ἴσμεν τηλικαύτην τὸ μέγεθος γεγενημένην οὐ διὰ τὴν τῶν ἀνδρῶν φρόνησιν, ἀλλ' ὅτι μᾶλλον τῶν ἄλλων τὴν βασιλείαν τιμῶσιν (3. 23) — «Ведь мы все знаем, что это могущество персов

стало таким великим не из-за разумности их людей, но потому что они скорее других почитают царскую власть». Под персами здесь стоит понимать империю времен Кира и Дария [Mirhady, Too 2000, 174]. Исократ не мог признать за персами «разумности», но за греками вполне. Так что греки под правильным руководством могут обойти персов в могуществе. Правильное государственное устройство Спарты и Карфагена отмечает не только Исократ, но и Аристотель, который тоже помещает их вместе [Mirhady, Too 2000, 174], [Norlin 1928, 90–91]. Исократ даже называет спартанское государственное устройство самым лучшим (11. 17).

В ряду этих государств также упоминается τὴν πόλιν τὴν μάλιστα τὰς τυραννίδας μισοῦσαν (3.24) — «город, который больше всего ненавидит тирании». Никокл здесь подразумевает Афины. Он говорит про них следующее: ὅταν μὲν πολλοὺς ἐκπέμψῃ στρατηγούς, ἀτυχοῦσαν, ὅταν δὲ δι' ἑνὸς ποιήσῃται τοὺς κινδύνους, κατορθοῦσαν (3. 24) — «всякий раз когда он (город, ненавидящий тирании, т. е. Афины — Д. К.) отправляет многих стратегов, он терпит неудачу, а когда же с одним стратегом отправляется в опасное дело, преуспевает». Продолжая эту мысль, чуть дальше он говорит следующее: οἱ τε μισοῦντες τὰς τυραννίδας, ὅποταν πολλοὺς ἄρχοντας ἐκπέμψωσιν, οὐδὲν τῶν δεόντων πράττοντες (3. 25) — «те, кто ненавидит тирании, всякий раз отправляют многих руководителей, ничего не делают из того, что должно». В этих двух отрывках царь наиболее явно критикует Афины. На протяжении всей своей речи Никокл открыто не называл свой основной объект критики, все должно было пониматься исходя из намеков. Здесь же встречается чуть ли не прямая критика. Эти замечания стоит понимать в первую очередь в военном плане, то есть насколько хорошо справляется с управлением войсками один военачальник в сравнении с несколькими. С некоторой осторожностью можно предположить, что это критика большого количества руководителей вообще. Явно не Афин как государства, ведь упоминается, что они могут достигать успеха, когда ставят на должность одного человека, а не многих. Такая

критика уже встречалась в речи Никокла (3. 18), здесь она повторяется. Для большего впечатления можно было бы добавить упоминание о каких-нибудь провалах афинян на войне, это вполне могло бы быть сделано Никоклом. Однако здесь, скорее всего, вмешивается сам Исократ. Вряд ли бы его сограждане одобрили это, тем более, что ему и так пришлось впоследствии оправдываться перед ними за эти речи (15. 67–73). На этом перечисление преимуществ единоличного правления на войне заканчивается.

Мне кажется важным отметить тот факт, что среди примеров превосходства монархий на войне не упоминается, казалось бы, очевидный пример — Евагор. Почему царь Саламина, который описан Исократом как блистательный военачальник, не упомянут в этом ряду? Кажется, что такой аргумент возымел бы сильный эффект на слушателей Никокла, ведь они знали этого человека и должны были видеть его успехи. Но он не упоминается. Мне представляется, что отсутствие здесь Евагора является косвенным аргументом против того идеального образа, который создал Исократ в своем энкомии. Более подробно о том, насколько соответствует этот образ тому, что сообщают другие авторы, я разберу в следующей главе.

В качестве последнего аргумента Никокл приводит мнение, что боги тоже пользуются единоличным правлением, соответственно, если они считают такое устройство наилучшим, то и люди должны предпочитать именно его (3.26). Я не буду уделять этому много внимания, так как, видимо, сам Исократ не считает этот аргумент особенно сильным. В сравнении с остальными он занимает меньше всего места и не представляет особого интереса.

Резюмируя все выше сказанное, можно сказать следующее. По всей видимости, критикуя правление многих и восхваляя единоличное правление, Никокл не приводит в качестве доказательств особенности монархического государственного устройства, которое невозможно было бы реализовать при

демократическом режиме. Важно разделять позиции Никокла и Исократ. Первый действительно убежден, что его правление является наилучшим, а доставшуюся ему единоличную власть стоит оберегать. Второго же больше волнуют насущные проблемы современных ему Афин, нежели стремление теоретически обосновать достоинства и недостатки разных устройств. Оратор увидел возможность в этой речи указать на недостатки афинского устройства, а также помочь своему бывшему ученику.

Как мне представляется, вопрос государственного устройства не так уж и сильно заботит Исократ. Ему важно не то, каким образом устанавливаются законы, или процесс выбора людей на должности. Скорее его заботит возможность любого государства ставить на эти должности подходящих людей, которые будут заботиться о государственных делах. Он не видит в монархии панацею от всех бед, но при помощи образа идеальной монархии показывает то, каким должно быть государство вообще. Будь это царство под руководством мудрого и заботящегося о своих подданных монарха, который сам назначает на все должности способных людей, или же демократический полис, который выбирает в качестве своих руководителей достойных и выдающихся людей. Об этом говорит параллель с «Ареопагитиком», из которой можно понять один из важнейших принципов любого государственного устройства для Исократ.

2. Свидетельства о Никокле и Евагоре у других авторов

Чтобы лучше понять насколько создаваемый Исократом идеальный образ двух кипрских царей соответствовал действительности, мне кажется, что стоит разобрать свидетельства других авторов о жизни этих людей.

Начать стоит с рассмотрения источников о Евагоре. Исократ представляет его как сильного лидера, вернувшего себе власть в родном городе и изгнавшего оттуда захватчика (9. 30–32). После захвата власти он занялся укреплением своего города (9.47). Следом за этим он сначала помог персидским войскам вместе с афинянами разбить лакедемонян (9.55–56). Однако после этого отношения между ним и персидским царем обострились, и между ними началась война (9.60–62), которая закончилась перемирием. Исократ описывает конец этой войны скорее как победу Евагора (9.63). О его смерти сказано достаточно размыто: *τοσοῦτον δ' ἐβίω χρόνον ὥστε μήτε τοῦ γήρωσ ἄμοιρος γενέσθαι μήτε τῶν νόσων μετασχεῖν τῶν διὰ ταύτην τὴν ἡλικίαν γιγνομένων* (9.71) — «Он прожил столько времени, что познал старость, и не получил болезни, которые случаются из-за такого возраста». Создается впечатление, что Евагор прожил идеальную жизнь, не совершал никаких ошибок и во всем преуспевал. Однако, по-видимому, Исократ сильно идеализирует Евагора, так как свидетельства других авторов о нем представляют не столь положительный образ.

Во-первых, опускается неудобная правда о ходе Кипрской войны: неудачи на море, а также осада самого Саламина [Alexiou 2010, 156; Фролов 2013, 905]. Описывать все события этой войны мне представляется излишним. Впрочем отметить несколько вещей стоит. Исократ описывает ход войны следующим образом: *τοιοῦτος ἦν καὶ τοιοῦτον εἶχεν Πνυταγόραν τὸν υἱὸν τὸν αὐτοῦ συναγωνιστὴν ὥστε μικροῦ μὲν ἐδέησεν Κύπρον ἅπασαν κατασχεῖν, Φοινίκην δ' ἐπόρθησεν, Τύρον δὲ κατὰ κράτος εἶλεν, Κιλικίαν δὲ βασιλέως ἀπέστησεν, τοσοῦτους δὲ τῶν πολεμίων ἀπώλεσεν ὥστε πολλοὺς Περσῶν*

πενθοῦντας τὰς ἑαυτῶν συμφορὰς μεμνήσθαι τῆς ἀρετῆς τῆς ἐκείνου (9.62) — «Он был таков и имел своего сына Пнитагора таким помощником, что он почти захватил весь Кипр, разорил Финикию, штурмом взял Тир, склонил к мятежу царя Киликии, погубил столько врагов, что многие из персов, оплакивая свои несчастья, помнят его доблесть». В целом видно, что война описывается как череда побед Саламина, никакие неудачи не упоминаются. Другие источники говорят об этом не так однозначно. Вот например, что пишет Диодор: ἐπὶ δὲ τούτων Εὐαγόρας μὲν ὁ τῶν Σαλαμινίων βασιλεὺς ἦκεν εἰς Κύπρον ἐξ Αἰγύπτου, κομίζων χρήματα παρὰ Ἀκόριδος τοῦ βασιλέως Αἰγύπτου ἐλάττονα τῶν προσδοκηθέντων. Καταλαβὼν δὲ τὴν Σαλαμίνα πολιορκουμένην ἐνεργῶς, καὶ ὑπὸ τῶν συμμάχων καταλειπόμενος, ἠναγκάσθη πρεσβεῦσαι περὶ συλλύσεως (Diod. 15.8.1) — «Евагор, царь саламинян, прибыл на Кипр из Египта, привезя деньги от Акориса, царя Египта, но меньше ожидаемого. Застав Саламин в разгар осады и оставленный союзниками, он был принужден договариваться о прекращении войны». Исократ не упоминает ни осаду Саламина, которую обнаружил Евагор, вернувшись на Кипр, ни то, что он был оставлен своими союзниками. Но его цель была не рассказать достоверную историю, а создать описание идеального царя в качестве образца для подражания Никоклу, так что такое замалчивание неудобных фактов вполне ожидаемо.

Закончилась война поражением Евагора и подчинением Артаксерксу [Майер 2017, 378–380]. Как отмечает Диодор (Diod. 15.9.2), Евагор в итоге ὑπακούειν ὡς βασιλεὺς βασιλεῖ προστάττοντι — «подчиняется как царь стоящему выше царю». Майер отмечает важность этого уточнения, так как Евагор не подчиняется ὡς δοῦλος δεσπότη «как раб господину», как изначально требовалось (Diod. 15.8.2) [Майер 2017, 380]. Возможно именно эту удачу сильно преувеличивает Исократ, когда пишет следующее: εἰθισμένων τὸν ἄλλον χρόνον τῶν βασιλέων μὴ διαλλάττεσθαι τοῖς ἀποστᾶσιν πρὶν κύριοι γένοιτο τῶν σωμάτων, ἄσμενοι τὴν εἰρήνην ἐποίησαντο, λύσαντες μὲν τὸν νόμον τοῦτον, οὐδὲν δὲ κινήσαντες τῆς Εὐαγόρου τυραννίδος (9. 63) — «Хотя у персов в другое

время было принято не заключать перемирие с восставшими прежде чем они (персы — *Д. К.*) не станут их господами, они с удовольствием заключили мир, нарушив этот обычай, никак не поколебавшие власть Евагора». Исократ здесь не упоминает ни о взятии Саламина персидскими войсками, ни о необходимости платить дань царю. Такое мирное соглашение тем не менее действительно было скорее в пользу Кипра [Alexiou 2010, 157]. Косвенным свидетельством проигранной войны являются и следующие слова, которые Исократ помещает в уста Никокла: Παραλαβὼν γὰρ, ὅτ' εἰς τὴν ἀρχὴν καθιστάμην, τὰ μὲν βασιλεία χρημάτων κενὰ καὶ πάντα κατηναλωμένα, τὰ δὲ πράγματα ταραχῆς μεστὰ καὶ πολλῆς ἐπιμελείας δεόμενα καὶ φυλακῆς καὶ δαπάνης... (3.31) — «Ведь приняв, когда я вступил в должность, царскую казну пустой и полностью опустошенной, дела в полном беспорядке и требующими многих забот, охраны и затрат...». Он явно описывает кризисное состояние царства, что не соответствует тому описанию правления Евагора, которое есть у Исократа. Перед слушателями разворачивается картина упадка города, из которого доблестный царь находит выход. Возникает закономерный вопрос. Как город оказался в таком упадке? Скорее всего из-за затратной и неудачной войны, которую вел Евагор. Это отчасти и может являться причиной, почему Никокл не упоминает в череде успехов единоличных правителей на войне пример своего отца. Даже самый неискушенный слушатель смог бы найти несоответствие между тем, как описываются удачи их предыдущего царя и плачевным состоянием дел в настоящем времени.

Самая важная вещь, которую умалчивает Исократ, говоря о Евагоре, я уже упоминал — его смерть. Я уже привел отрывок, где она описывается оратором, теперь можно посмотреть, как эту смерть описывает Феопомп в пересказе Фотия: καὶ ὡς τῆ ἐκείνου παιδὶ καταλειφθεῖση κόρη Εὐαγόρας τε καὶ ὁ τούτου παῖς Πνυταγόρας, λανθάνοντες ἀλλήλους, συνεκάθευδον, Θρασυδαίου τοῦ εὐνούχου, ὃς ἦν Ἥλειος τὸ γένος, αὐτοῖς παρὰ μέρος ὑπηρετουμένου τῆ πρὸς τὴν κόρην ἀκολασία· καὶ ὡς τοῦτο αὐτοῖς αἴτιον ὀλέθρου γέγονε, Θρασυδαίου τὴν

ἐκείνων ἀναίρεσιν κατεργασαμένου [Theop. FrGrH 115 F 103.12] — «Что Евагор и его сын Пнитагор в тайне друг от друга спали с его (Никокреонта — *Д. К.*) оставленной дочкой, а евнух Фрасидей, который был родом из Элиды, по очереди служил им для бесчинствования по отношению к этой девушке. И это стало причиной смерти для них, так как Фрасидей их погубил». Также об этом говорит Аристотель в Политике: καὶ ἡ (ὀργή) τοῦ εὐνούχου Εὐαγόρα τῷ Κυπρίῳ: διὰ γὰρ τὸ τὴν γυναῖκα παρελέσθαι τὸν υἱὸν αὐτοῦ ἀπέκτεινεν ὡς ὑβρισμένος [Arist. Pol. 1311b 5–6] — «И заговор евнуха против Евагора Кипрского был вызван такой же причиной: евнух убил его, считая себя оскорбленным, так как сын Евагора увлек его жену» (пер. С.А. Жебелева). И наконец вот, что об этом пишет Диодор: ἅμα δὲ τούτοις πρᾶττομένοις κατὰ μὲν τὴν Κύπρον Νικокλῆς ὁ εὐνούχος ἐδόλοφόνησεν Εὐαγόραν τὸν βασιλέα καὶ τῆς τῶν Σαλαμινίων βασιλείας ἐκυρίευσεν [Diod. 15.47.8] — «Пока это происходило на Кипре, евнух Никокл вероломно убил царя Евагора и начал править царством Саламина». Как видно, все три свидетельства отличаются в деталях. Сразу стоит отметить ошибку Диодора. Никокл, конечно, был никак не евнухом, а сыном Евагора. Оставшийся после смерти своего отца и старшего брата, Никокл начал править самостоятельно. Аристотель почти во всем совпадает со свидетельством Феопомпа, однако утверждает, что это была жена евнуха, а не дочь другого кипрского царя — Никокреонта. Феопомп же приводит наиболее полное свидетельство, называя имя как убийцы, так и сына Евагора. Скорее всего, именно ему следует верить. Интересно, что Исократ упоминает этого сына в своей речи (9.62), что добавляет веса этому свидетельству. Как замечает Якоби, исходя из свидетельства, не понятно почему Фрасидей решился на покушение [FrGrH Teil 2 В, р. 374, 1962, F 103]. В любом случае, все три места указывают на главное — Евагор был насильственно убит из-за надругательства над девушкой. Исократ не мог не знать о причинах смерти отца своего ученика, так что предположение о его возможном неведении стоит отбросить. Вероятно, он намеренно не упоминает эти факты. Ведь если бы он упомянул

действительные причины смерти Евагора, то это бы сильно испортило облик безупречного царя. Возможно, именно по этой причине Никокл подчеркивает свою верность жене, когда он описывает свои добродетели (3.36–42). Он также говорит и о том, что такого рода преступления погубили уже многих людей: καὶ τὴν ὕβριν τὴν περὶ ταῦτα μεγίστων κακῶν αἰτίαν γιγνομένην, καὶ πολλοὺς ἤδη καὶ τῶν ἰδιωτῶν καὶ τῶν δυναστευσάντων διὰ ταύτην ἀπολομένους (3.36) — «Такие оскорбления бывают причиной величайших бед, и многие уже и из простых людей и из правителей погибли из-за этого». Для его слушателей это был достаточно прозрачный намек, так как в памяти было свежо воспоминание о причинах смерти их предыдущего царя и его старшего сына. Никокл, стараясь выставить себя в лучшем свете, намеренно затрагивает тему верности и уделяет ей достаточно большое внимание [Blass 1874, 253]. Он прямо говорит о верности своей жене: ... ὥστ' ἐξ οὗ τὴν βασιλείαν ἔλαβον, οὐδενὶ φανήσομαι σώματι πεπλησιακῶς πλὴν τῆς ἐμαυτοῦ γυναίκος (3. 36) — «... так с тех пор как я стал царем, я не вступаю в связь ни с кем, кроме своей жены». Правда, стоит отметить, что он не говорит о том, что всегда сохранял верность своей жене, а лишь «с тех пор как стал царем». Я не думаю, что это играет большую роль, но возможно, что его добродетель здесь отчасти напускная, и, чтобы не обратиться в откровенную ложь, он прибегает к более осторожным формулировкам. Последний фрагмент, который я хочу разобрать, связанный с Евагором, это краткое упоминание его в речи, обычно приписываемой Лисию, против Андокида. Вот, что там указано: ἔνθεν δὲ ἔπλευσεν ὡς Εὐαγόραν τὸν Κύπρου βασιλεύοντα, καὶ ἀδικήσας εἶρχθη (Lys. 6.28) — «Затем он (Андокид — Д. К.) приплыл на Кипр, когда там царствовал Евагор, и, совершив преступление, был заключен в тюрьму». Скорее всего, речь не идет о каком-то бесчинстве со стороны Евагора, тем более что в дальнейшем он через Андокида помог Афинам с доставкой зерна (Andoc. 2.20) [Майер 2017, 377]. Исократ, возможно, намекает на этот случай, когда говорит следующее: ὧν τοὺς μὲν ἄλλους ὀνομαστὶ διελθεῖν πολὺ ἂν ἔργον εἴη (9.51) — «А всех остальных

(кто прибыл на Кипр в то время — *Д. К.*) по имени перечислить было бы слишком большой задачей». Возможный намек на Андокида отмечают Норлин [Norlin 1928, 32–33] и Юн Ли [Mirhady, Too 200, 150].

Теперь перейду к разбору свидетельств о Никокле. Исходя из его собственной высокой самооценки, а также характеристики, которую ему дает Исократ, создается прекрасное впечатление. Он — хороший правитель и добродетельный муж. Другие авторы не так однозначны в своих оценках этого правителя. Дошло не так уж много свидетельств о жизни Никокла, однако дошедшие описывают его в другом свете. Вот, что пишет про него Феопомп, сравнивая его с другим царем Стратоном I из Сидона: δοῦλος ὢν φύσει τῶν ἡδονῶν, ἔτι δὲ μᾶλλον πρὸς τὸν Νικокλέα φιλοτιμούμενος, ἐτύγχανον γὰρ ὑπερφιλοτίμως ἔχοντες πρὸς ἀλλήλους καὶ σπουδάζων ἑκάτερος αὐτὸς ἥδιον καὶ ῥαθυμότερον ποιεῖσθαι τὸν βίον οἱ γε προῆλθον εἰς τοσαύτην ἄμιλλαν, ὡς ἡμεῖς ἀκούομεν, ὥστε πυνθανόμενοι παρὰ τῶν ἀφικνουμένων τὰς τε παρασκευὰς τῶν οἰκιῶν καὶ τὰς πολυτελείας τῶν θυσιῶν τὰς παρ' ἑκατέρῳ γινομένας ἐφιλονίκουν ὑπερβάλλεσθαι τοῖς τοιούτοις ἀλλήλους (FrGrH 115 F 114) — «От природы будучи рабом наслаждений, более всего стремился он в этом превзойти Никокла: они очень ревновали друг к другу, и каждый старался превзойти другого привольностью и сладостью житья. В этом соревновании дошли они до того, что будто бы расспрашивали всех приезжих, что нового в доме у соперника и как богаты его жертвоприношения, — а потом старались во всем этом одержать над ним верх» (пер. Н. Т. Голинкевич). Это образ монарха, проводящего свое время, соревнуясь в роскоши с другим восточным деспотом. Он в корне противоречит тому, что рассказывает нам Исократ. Хотя некоторые намеки на возможные недостатки Никокла, которые были известны его учителю, можно найти среди советов, данных ему. Так, Исократ говорит: ἡγοῦ δὲ θῦμα τοῦτο κάλλιστον εἶναι καὶ θεραπείαν μεγίστην, ἢ ὡς βέλτιστον καὶ δικαιοτάτον σαυτὸν παρέχης: μᾶλλον γὰρ ἐλπὶς τοὺς τοιούτους ἢ τοὺς ἱερεῖα πολλὰ καταβάλλοντας πράξειν τι παρὰ τῶν θεῶν ἀγαθόν (2.20) — «Считай, что

наилучшая жертва и величайшее служение богам, это если ты будешь выказывать себя наиболее лучшим и справедливым, ведь скорее такие люди, чем те, кто приносят множество жертв, заслуживают какую-либо милость у богов». Такие излишне пышные жертвоприношения признавались Исократом как недостаток, так как похожую вещь он упоминает в «Ареопагитике» (7.29). Я думаю, что это общее место для Исократа, и вряд ли он, зная, что его ученик может поддаться соблазну излишней роскоши, дал ему такой совет. Тем не менее игнорирование Никоклом этих слов стоит отметить. Как замечает Майер [Майер 2017, 392], описание Никокла может быть несколько шаблонным, так как напоминает образ типичного восточного деспота. Настоящая оценка его характера затруднительна. В более поздней своей речи «Об обмене имуществом», видимо уже после смерти царя, Исократ говорит о нем: παραίνῳ τῷ Νικόκλει μὴ ῥαθυμεῖν μηδ', ὡς περ ἱερῶσύνην εἰληφότα τὴν βασιλείαν, οὕτω τὴν γνώμην ἔχειν, ἀλλὰ τῶν ἡδονῶν ἀμελήσαντα προσέχειν τὸν νοῦν τοῖς πράγμασιν (15.71) — «Я советую Никоклу не быть легкомысленным и не относиться к царской власти как будто он унаследовал ее наподобие жреческой, но, оставив удовольствие, обратить свой ум к общественным делам». Опять возникает образ человека, который стремится скорее к удовольствию, нежели к достойному управлению своим городом.

Также стоит рассмотреть и некоторые фрагменты, которые приводят подробности смерти Никокла. Об этом говорят три автора: историк и ритор Анаксимен из Лампсака, поздний философ Максим Тирский и Феопомп. Вот что пишет Анаксимен: περί τοῦ Στράτωνος τὰ αὐτὰ ἱστορήσας διημιλλῆσθαι φησιν αὐτὸν Νικόκλει τῷ τῆς ἐν Κύπρῳ Σαλαμῖνος βασιλεύσαντι, ἐσπουδακóτι περί τρυφὴν καὶ ἀσέλγειαν, ἀποθανεῖν τ' ἀμφοτέρους βιαίως (FrGrH 72 F 18) — «Повторив про Стратона те же рассказы, пишет, что он (Анаксимен — *Д. В.*) говорит, что роскошью и распущенностью он соперничал с Никоклом, царем Саламина Кипрского, что оба погибли насильственной смертью» (пер. Н. Т. Голинкевич). Феопомп же говорит: οὐ μὴν περί τὴν τοῦ βίου τελευτὴν

διητυύχησαν, ἀλλ' ἀμφότεροι βιαίῳι θανάτῳι διεφθάρησαν (FrGrH 115 F 114) — «Они (Стратон и Никокл — *Д. К.*) же не были счастливы до конца своей жизни, но оба погибли насильственной смертью». Оба автора рассказывают, что эти цари погибли не своей смертью. Максим Тирский сообщает следующее о смерти Никокла: ἡ Φοῖνιξ Στράτων ἡ Νικокλῆς ὁ Κύπριος [...] οὐκοῦν ἄξει τελευτῶν [...] ἢ ἐπὶ πενίαν, ὡς τὸν Φοῖνικα, ἢ ἐπὶ δέσμα, ὡς τὸν Κύπριον (Max. Tyr. 14.2) — «Финикиец Стратон, или Никокл Кипрский, которые закончили или в нужде как Финикиец, или в тюрьме как Киприот». Неизвестно, насколько следует верить этому свидетельству, однако причиной описанного заключения может являться восстание Стратона, в которое мог быть втянут Никокл [Майер 2007, 393]. Есть и другое свидетельство о смерти Стратона, будто бы он был заколот своей женой (Ieron. Adver. Iov. 1.45) [Майер 2007, 393]. Не столь важно, как действительно погиб Никокл, сколько то, что, судя по всему, пример его распущенности был широко известен в античности. Также надо отметить и то, что оба эти царя в этих контекстах упоминаются вместе. Все приведенные мною авторы рассматривают их, не отделяя друг от друга. Возможно, что их соревнование в роскоши и богатстве было отчасти анекдотическим и со временем обросло множеством преувеличений. Хотя роскошь саламинского двора упоминает и сам Исократ. Он говорит Никоклу: Οὐ γὰρ οὔτ' ἐμὲ λέληθας οὔτε τοὺς ἄλλους ὅτι καὶ πρῶτος καὶ μόνος τῶν ἐν τυραννίδι καὶ πλούτῳ καὶ τρυφαῖς ὄντων φιλοσοφεῖν καὶ πονεῖν ἐπικεχειρήκας (9.78) — «Ведь ни от меня, ни от других не укрылось, что ты первый и единственный из тех, кто находится в положении тирана и в богатстве и роскоши принялся изучать философию». Исократ знает о богатстве, в котором жил Никокл, хотя и говорит об этом, хваля его за стремление к знанию. Также косвенным свидетельством о пышности саламинского двора является следующий отрывок из «Евагора»: πλείους δὲ καὶ τῶν περὶ τὴν μουσικὴν καὶ τῶν περὶ τὴν ἄλλην παιδείουσιν ἐν τούτοις τόποις διατρίβειν, ἢ παρ' οἷς πρότερον εἰωθότες ἦσαν (9.50) — «И больше людей, разбирающихся в музыке и других искусствах,

живут в этих местах (Саламине — *Д. К.*), чем с теми, с которыми это было привычно раньше». Конечно, в первую очередь это свидетельство о филэллинской политике Евагора, однако нельзя не отметить тот факт, что Саламин в то время был наполнен различного рода художниками, музыкантами и другими людьми искусства. Упоминание Никокла встречается и у Афиня в «Пире мудрецов», там он говорит следующее: Φασὶ δὲ καὶ τελευτῆσαι αὐτὸν διὰ τὴν ἐν τῷ γελοίῳ παρρησίαν ὑπὸ Νικокλέους τοῦ Κυπρίων βασιλέως φάρμακον πίνοντα διὰ τὸ σκόπτειν αὐτοῦ τοὺς υἱοὺς (Ath. Deipn. 352d) — «Говорят, что он (Стратоник — *Д. К.*) закончил свою жизнь из-за вольности в насмешке, он выпил яд по приказу Никокла, царя Кипра, из-за того что шутил над его сыновьями». Само свидетельство о смерти Стратоника не вызывает доверия, так как до этого упоминалось, что он погиб по приказу Никокреонта (Ath. Deipn. 349e–f). Тем не менее, можно сделать вывод о славе раба удовольствий, которой обладал Никокл. Упоминание же того, что Стратоник был при дворе Никокла, также косвенно свидетельствует о любви царя к искусству. Самым же прямым свидетельством роскошности двора, как мне кажется, можно считать следующий фрагмент из начала «Евагора»: Ὅρῶν, ὃ Νικόκλεις, τιμῶντά σε τὸν τάφον τοῦ πατρὸς οὐ μόνον τῷ πλήθει καὶ τῷ κάλλει τῶν ἐπιφερομένων, ἀλλὰ καὶ χοροῖς καὶ μουσικῇ καὶ γυμνικοῖς ἀγῶσιν, ἔτι δὲ πρὸς τούτοις ἵππων τε καὶ τριήρων ἀμίλλαις, καὶ λείποντ' οὐδεμίαν τῶν τοιούτων ὑπερβολὴν (9.1) — «Видя, Никокл, что ты чтишь могилу своего отца не только многочисленностью и пышностью приношений, но и хорами, и мусическими и гимнастическими соревнованиями, а сверх этого лошадиными соревнованиями и состязаниями триер, и не упуская ни одной возможности с размахом почтить покойного». Исократ рисует яркую картину пышных празднований, которые проводит его ученик. Как мне представляется, Никокл являлся одним из примеров распущенности восточных царей, так что греческие свидетельства о роскоши его двора следует воспринимать с определенной осторожностью. Тем не менее, его учитель тоже склоняется к

тому, чтобы описывать его жизнь скорее как достаточно роскошную, что добавляет веса другим свидетельствам.

Последнее свидетельство, которое я бы хотел рассмотреть, касается института тайной полиции, существовавшей в Саламине в это время [Pestarinò 2022, 33–35]. Исократ, возможно, намекает на нее, когда заставляет Никокла произнести следующее: Ὅ τι ἂν ὑμῶν ἕκαστος αὐτὸς αὐτῷ τύχῃ συνειδῶς, ἠγείσθω μηδ' ἐμὲ λήσειν, ἀλλ' ἐὰν καὶ τὸ σῶμα μὴ παρῆ, τὴν διάνοιαν τὴν ἐμὴν οἰέσθω τοῖς γιγνομένοις παρεστάναι (3.51) — «Если каждый из вас сознает за собой какой-то проступок, то пусть не думает, что это останется незамеченным мной, но даже если мое тело не присутствует, пусть считает, что моя мысль рядом с ним». Свидетельство же о существовании такой полиции можно увидеть из дошедшего фрагмента Клеарха из Сол. Он пишет: παραδεδεγμένοι δ' εἰσὶ πάντες οἱ κατὰ Κύπρον μόναρχοι τὸ τῶν εὐγενῶν κολάκων γένος ὡς χρήσιμον, καὶ τούτων οἶον Ἀρεοπαγιτῶν τινῶν οὔτε τὸ πλῆθος οὔτε τὰς ὄψεις ἔξω τῶν ἐπιφανεστάτων οἶδεν οὐδεὶς (Clearch. fr. 19 Wehrli) — «Все правители на Кипре полагали полезным иметь льстецов из знати — для тиранов это вещь самая необходимая. И никто не знал, ни сколько их, ни кто они, кроме нескольких самых известных, словно это был какой-то Ареопаг» (пер. Н. Т. Голинкевич). Рассказ о них начинается с утверждения, что это достаточно скрытная организация, о которой мало известно простому народу, даже число и их внешний вид остается загадкой. Затем идет следующее: διηρημένων δὲ διχῆ τῶν ἐν τῇ Σαλαμῖνι κολάκων κατὰ συγγένειαν, ἀφ' ὧν εἰσὶν οἱ κατὰ τὴν ἄλλην Κύπρον κόλακες, τοὺς μὲν Γεργίνους, τοὺς δὲ Προμαλάγους προσαγορεύουσι (Clearch. fr. 19 Wehrli) — «Льстецы Саламина (а от них происходят льстецы на остальном Кипре) принадлежали к двум родам: Гергинам и Промалангам». Клеарх прямо говорит, что именно Саламин был городом, в котором появилась эта тайная полиция. Пестарино же отчасти спорит с этим утверждением и говорит, что это скорее связано с царской пропагандой саламинского двора в то время [Pestarinò 2022, 33]. Далее Клеарх

рассказывает о том, чем именно занимались эти «льстецы»: Ὡν οἱ μὲν Γεργῖνοι συναναμιγνύμενοι τοῖς κατὰ τὴν πόλιν ἔν τε τοῖς ἐργαστηρίοις καὶ ταῖς ἀγοραῖς ὠτακουστοῦσι, ὅ τι δ' ἂν ἀκούσωσιν ἀναφέρουσιν ἐκάστης ἡμέρας πρὸς τοὺς καλουμένους ἄνακτας (Clearch fr 19 Wehrli) — «Гергины толкаются по городским рынками и мастерским, подслушивая разговоры, и числятся осведомителями: все, что услышат, они ежедневно докладывают так называемым анактам» (пер. Н. Т. Голинкевич). Интересно, что Клеарх описывает методы работы этой тайной полиции, а также то, что они приносят свои рапорты вышестоящим лицам. Под словом ἄναξ стоит понимать именно представителей кипрской элиты. Так называет Исократ всех детей Евагора, кроме Никокла, бывшего царем (9.72), но этим словом обозначалось все высшее сословие на Кипре вообще [Фролов 2013, 905; Pestarino 2022, 23–28]. Ясно, что они не только знали об этой полиции, но и она, по его свидетельству, руководилась ими. Следом идет описание деятельности другого рода этих льстецов: Οἱ δὲ Προμάλαγγες ζητοῦσιν ἀντὶ τῶν ὑπὸ τῶν Γεργίνων προσαγγελθέντων, οὐκ ἀνάξιον εἶναι ζητήσεως δόξῃ, ὄντες τινὲς ἐρευνηταί (Clearch fr 19 Wehrli) — «Промаланги же следят, не окажется ли что из доложенного гергинами достойным розыска; они числятся расследователями» (пер. Н. Т. Голинкевич). После получения доноса начинало работать другое «отделение» этой полиции, которое занималось расследованиями и непосредственно сыском. Сам Клеарх высоко оценивал работу этого института: καὶ τούτων οὕτως ἔντεχνος καὶ πιθανὴ πρὸς ἄπαντας ἢ ἔντευξις ὥστ' ἔμοιγε δοκεῖ, καθάπερ καὶ αὐτοὶ φασί, παρ' ἐκείνων εἰς τοὺς ἔξω τόπους διαδεδόσθαι τὸ σπέρμα τῶν ἐλλογίμων κολάκων (Clearch fr 19 Wehrli)— «Ведут беседы они настолько ловко и убедительно, что мне кажется (да и сами они говорят), что от них пошли знатнейшие льстецы по всем городам» (пер. Н. Т. Голинкевич). Вероятно Исократ, зная о существовании этих льстецов, обращается к Никоклу со следующими словами: Διόρα καὶ τοὺς τέχνη κολακεύοντας καὶ τοὺς μετ' εὐνοίας θεραπεύοντας, ἵνα μὴ πλέον οἱ πονηροὶ τῶν χρηστῶν ἔχωσιν (2.28) — «Различай

тех, кто искусно льстит от тех, кто служит с преданностью, чтобы люди низкие не имели больше достойных людей». Под τοὺς τέχνη κολακεύοντας могут как раз пониматься эти «льстецы» [Poldrugo 2001, 40]. Также Клеарх называет их обхождение ἔντεχνος «искусным». Если принимать тот факт, что Исократ здесь говорит именно об этой тайной полиции, то тогда можно понять его отношение к ним. Оно достаточно негативное. Слежка и доносы на граждан полиса не могли быть им одобрены.

Подводя итоги, можно сказать, что свидетельства других источников представляют совершенно другой образ и Никокла и Евагора. Если у Исократы они оба представляют собой идеальных правителей, то другие авторы рисуют иную картину. В Кипрских речах намеренно опускаются неудобные для саламинской правителей моменты вроде причин смерти Евагора и хода Кипрской войны. Также, будучи учителем Никокла, Исократ не мог не замечать склонности своего ученика к роскоши и богатству, однако в речи, которую он вкладывает в его уста, Никокл предстает как образец добродетели, скромности и справедливости, что, судя по всему, имело мало общего с действительностью.

3. Сопоставительный анализ единовластия

Для того, чтобы лучше представить, каковы взгляды Исократ на различные виды государственного устройства, а также как он оценивал единовластие, следует сопоставить его суждения с теми, которые представляют другие греческие авторы. В качестве образцов для сравнения я выбрал Геродота и «Политику» Аристотеля. Такой выбор обусловлен тем, что на примере этих авторов будет возможно понять, как менялось представление о единовластии от пятого к четвертому веку.

Первым материалом для сравнения послужит диспут персидских вельмож у Геродота (3.80–82). Этот отрывок был выбран, так как в нем можно найти самую раннюю последовательную критику единовластия и сравнение государственных устройств вообще. Ричард Уинтон в разделе, упоминающем выбор мидянами единоличного правления, пишет: «похожий выбор был сделан, на этот раз персами, в отрывке в третьей книге, месте, представляющем самый ранний пример сравнительного анализа конституций (хотя сам термин *πολιτεία* в отрывке не появляется)» [Winton 2007, 108]. Давид Ашери отмечает: «Критика монархии, или скорее тирании, начинается здесь. Из этой критики невозможно сделать какие-либо выводы о политических взглядах Геродота» [Asheri 2007, 473]. Также о сопоставлении различных государственных устройств Геродотом пишет Ойкен, говоря о «Никокле». Он сравнивает его с этим местом из Геродота и говорит, что такое сравнение конституционных форм не являлось чем-то «само собой разумеющимся в то время» [Eucken 1983, 255]. Кратко напомним контекст происходящего. После свержения царя персов, мага, который выдавал себя за сына Кира — Смердиса, семеро знатных персов держат совет о том, каким образом следует устроить власть в персидском царстве. Трое из них: Отан, Мегабиз и Дарий — выдвигают свои предложения: Отан выступает за демократическое устройство, хотя называет его *ισονομία*; Мегабиз предлагает устроить олигархическое

управление. Дарий предлагает сохранить монархическое правление. Геродот сообщает, что в ходе диспута оставшиеся вельможи поддержали Дария. Таким образом сохранилось единоличное правление.

Исократ, возможно, откликается на некоторые из положений выдвигаемых Отаном [Maas 1887, 581–595; Romilly de 1979, 130–131]. Представляется интересным разобрать последовательно несколько отрывков, в которых можно увидеть полемику, пусть и в некоторых местах опосредованную, Исократом с Геродотом. Рассмотрю первые два. Отан говорит о самой порочной природе единовластного правления: Ἐμοὶ δοκέει ἓνα μὲν ἡμέων μούναρχον μηκέτι γενέσθαι· οὔτε γὰρ ἡδὺ οὔτε ἀγαθόν (Hdt. 3. 80. 1) — «Я считаю, что никому из нас не следует становиться единоличным правителем, ведь единовластие не является ни приятным, ни хорошим устройством».

А в речи Никокла есть следующее утверждение: Ὅτι μὲν οὖν ἡδίων ἐστὶν καὶ πραότερα καὶ δικαιοτέρα, διὰ πλειόνων μὲν ἂν τις ἀποδείξειεν, οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ διὰ τούτων συνιδεῖν ῥαδίον ἐστὶν» (Isoc. 3.17) — «Итак, что монархическое правление более приятное, и мягкое и справедливое, можно было бы показать и с помощью большего количества доводов, но и при помощи уже приведенных это легко увидеть».

Исократ, как видно из этих отрывков, пусть и устами Никокла, наоборот изображает единовластное правление как наиболее приятное для граждан полиса, так как оно обладает неоспоримыми достоинствами. Здесь можно заметить как словесную параллель: οὔτε γὰρ ἡδὺ οὔτε ἀγαθόν и ὅτι μὲν οὖν ἡδίων ἐστὶν καὶ πραότερα καὶ δικαιοτέρα, так и смысловую. Геродот в этом отрывке следует общему руслу критики единоличной власти, Исократу важно ответить на эту критику. В начале речи «К Никоклу» (2. 8) он говорит: τοῖς μὲν γὰρ ἂν τὰς ἀρχὰς ἀσφαλεστέρας, τοῖς δὲ τὰς πολιτείας πραότερας ποιήσειεν — «ведь для правителей он (человек, направивший правителя к добродетели — Д. К.) сделал бы правление более надежным, а для подданных государственное

устройство более мягким». Здесь Исократ использует то же самое слово *πραοτέρα*, что и в отрывке выше, однако там он изображает единовластное правление уже как наиболее мягкое. Это, скорее всего, вызвано особенностью речи, которую Исократ вложил в уста Никокла. Царь говорит о своем правлении как о самом лучшем из возможных, в то время как оратор более сдержан в оценках. Исократ здраво представлял, что в реальности различные, основанные на единовластии, режимы могут быть достаточно суровыми по отношению к своим гражданам, именно поэтому правителям и необходимо воспитание, чтобы сделать такое устройство более мягким. Интересно, что это признает сам Никокл, говоря *μη μόνον τὰς φύσεις αἰτίας νομίζετε τοῦ χαλεποῦς ἢ πράου¹ εἶναι τοὺς τυράννους, ἀλλὰ καὶ τὸν τρόπον τὸν τῶν πολιτῶν· πολλοὶ γὰρ ἤδη διὰ τὴν τῶν ἀρχομένων κακίαν τραχύτερον ἢ κατὰ τὴν αὐτῶν γνώμην ἄρχειν ἠναγκάσθησαν* (3. 55) — «Считайте, что не только по причине собственной природы тираны более суровы или мягки, но и из-за поведения граждан. Ведь уже многие тираны из-за негодности своих подданных принуждены были править жестче, чем они сами хотели бы». Тут есть очевидное признание того, что многие единоличные режимы достаточно жестоки, однако из-за того, что речь произносит Никокл, вина за такое правление переносится с правителей на граждан. Интересно, что в более поздней речи «Об обмене имуществом» Исократ вспоминает свое обращение к ученику и в качестве одной из целей, которую ставил для себя в ходе написания речи «К Никоклу», упоминает следующее: *φανήσομαι γὰρ πρὸς αὐτὸν ἐλευθέρως καὶ τῆς πόλεως ἀξίως διειλεγμένος καὶ οὐ τὸν ἐκείνου πλοῦτον οὐδὲ τὴν δύναμιν θεραπεύων ἀλλὰ τοῖς ἀρχομένοις ἐπαμύνων, καὶ παρασκευάζων καθ' ὅσον ἠδυνάμην τὴν πολιτείαν αὐτοῖς ὡς οἷόν τε πραοτάτην* (15.70) — «Ведь будет видно, что обращаюсь к нему свободно и достойно своего государства, и не заискивая ни перед его

¹В этом отрывке есть разночтение. Дреруп читает здесь *πραοτέρους*, Матье и Бремон *πράους*. Разночтение вызвано следованием разным рукописям. Я здесь придерживаюсь текста Матье и Бремона, однако, как кажется, это текстологическое различие важности для интерпретации не представляет.

богатством, ни перед могуществом, но выступая на стороне его подданных, стараясь устроить для них как можно более мягкое государственное устройство».

Стоит отметить и использование слов *πρᾶος* и *πραότης* (3.32). Ромийи [Romilly de 1979, 39–60; Christ 2013] пишет, что эти качества наряду со словами *φιλάνθρωπος* и *επιεικής* имеет отчетливое политическое значение. Это добродетели человека, облеченного царской властью. Сам Никокл говорит, что обходился со своими гражданами с мягкостью (3. 32). Интересно, что Исократ тоже пользуется этими словами при обращении к Никоклу. Он призывает его быть *φιλάνθρωπος* и *φιλὸπολις* по отношению к своим подданным и городу (2. 15). Это место уже было мной разобрано, однако стоит добавить, что для Исократа это не просто одна из возможных добродетелей царя. Это ключевые добродетели правителя. Если он не обладает этими качествами, то ни он, ни его подданные не смогут преуспевать. А монарх, не имея возможности править мягко, из-за отсутствия других способов начнет править жестоко. И тогда он станет не лучше других тиранов, которых Тесея считал «язвами» *νόσημα* города (10. 34). *Φιλανθρώπως* правил Евагор (9.43), что опять же указывает на важность этого качества у царя. *Επιεικής* же Исократ употребляет только по отношению к людям, не облеченным царской властью. Он даже противопоставляет образованных людей правителям (2. 4).

Мягкость также говорит и о том, что Никокл не собирается притеснять своих подданных, нарушать обычаи и в общем вести себя враждебно по отношению к ним. В подтверждение своей мягкости он приводит следующий аргумент: *Πρός τε γὰρ τοὺς πολίτας μετὰ τοιαύτης πραότητος προσηνέχθην ὥστε μήτε φυγὰς μήτε θανάτους μήτε χρημάτων ἀποβολὰς μήτ' ἄλλην μηδεμίαν τοιαύτην συμφορὰν ἐπὶ τῆς ἐμῆς γεγενῆσθαι βασιλείας* (3. 32) — «С такой мягкостью я относился к согражданами, что ни изгнаний, ни смертей, ни изъятия имущества, ни каких других подобных несчастий не происходило во время моего царствования». В этом и проявляется его мягкость. В

противоположность тем правителям, которых наблюдал Тесей, Никокл живет в гармонии со своим народом. Также Исократ призывает Никокла к мягкости следующим образом: φαίνου ... πρῶος δὲ τῷ τὰς τιμωρίας ἐλάττους ποιεῖσθαι τῶν ἁμαρτανομένων (2.23) — «Будь в глазах людей мягким благодаря тому, что выносишь наказания меньше, чем того заслуживают преступления». То есть мягкость заключается и в благосклонном отношении к своим подданным. Никокл не должен держать свой народ в страхе, наоборот, люди должны видеть в нем в первую очередь человека, который всегда готов помочь им. Его призывают быть человеком, который бы мог позаботиться о благополучии граждан лучше них самих (2.24).

В следующей паре отрывков можно увидеть разницу между тем, как представляется единоличная власть Отану и Исократу, а именно в том, какими советниками пользуется правитель. Отан утверждает в частности, что единоличный правитель: χαίρει δὲ τοῖσι κακίστοισι τῶν ἀστῶν, διαβολὰς δὲ ἄριστος ἐνδέκεσθαι (3. 80. 4) — «Он (единоличный правитель — Д. К.) с радостью принимает худших из граждан, и с величайшей готовностью внимает клевете».

У Исократа в отрывке, где обсуждаются преимущества единоличного правления над всеми остальными формами правления, можно заметить следующее: καὶ συμβούλοις χρῶνται περὶ αὐτῶν οἱ μὲν τῶν ἀστῶν τοῖς τολμηροτάτοις, (Isoc. 3. 21) — «Одни (люди, живущие при демократии — Д. К.) пользуются в качестве советников наиболее дерзкими гражданами».

Видно, что описание единоличной власти у Отана и народовластия у Исократа схожи — τοῖσι κακίστοισι τῶν ἀστῶν и τῶν ἀστῶν τοῖς τολμηροτάτοις. Геродот напрямую не говорит, что единоличный правитель пользуется «наихудшими» гражданами именно в качестве советников, как это говорит Исократ о народовластии, но тем не менее необходимо признать, что он им по крайней мере внимает. Нельзя с уверенностью сказать, что в этом месте Исократ прямо

обращается к Геродоту, однако не стоит и отрицать смысловой параллели этих двух мест. Скорее всего она была необходима для того, чтобы показать, что народная власть ничем не лучше, а для Никокла, естественно хуже, единовластия. Если Исократ действительно намекал на Геродота, то можно сказать, что отмеченный Отаном недостаток единоличной власти Никокл переносит на демократию.

В этом месте видно распространенное суждение о природе царской власти. Единоличные правители действительно были склонны прислушиваться к льстецам. Исократу это было известно, так что среди советов Никоклу он приводит следующий: Διόρα καὶ τοὺς τέχνη κολακεύοντας καὶ τοὺς μετ' εὐνοίας θεραπεύοντας, ἵνα μὴ πλέον οἱ πονηροὶ τῶν χρηστῶν ἔχωσιν (2.28) — «Различай тех, кто искусно льстит от тех, кто служит с преданностью, чтобы люди низкие не имели больше достойных людей». Проблема отсутствия надежных советников для единоличного правителя вообще кажется Исократу достаточно важной, так как он неоднократно возвращается к ней. Например Исократ предлагает: Δίδου παρρησίαν τοῖς εὖ φρονοῦσιν, ἵνα περὶ ὧν ἂν ἀμφιγνοῆς ἔχῃς τοὺς συνδοκιμάσοντας (2.28) — «Дай свободу слова людям благоразумным, чтобы рядом были те, с кем ты можешь посоветоваться о вещах, в которых ты сомневаешься». Следует обратить внимание на слово παρρησία. Свобода выступать открыто считалась важной частью жизни демократического государства [Ober 2007, 140; Jones 1953, 4]. Но в речи «О мире» (8. 14) Исократ пишет: καὶ ὅτι δημοκρατίας οὐσης οὐκ ἔστι παρρησία — «Хоть у нас и демократия, нет возможности выступать открыто». Тут явно видно противоречие между установленным устройством и отсутствием одного из наиболее важных достоинств такого устройства.

Дарование права свободно высказывать свое мнение, даже только для некоторых граждан, которые придерживаются взглядов схожих с правителем, необычно. Ашер пишет в комментарии «К Никоклу»: «Παρρησία имела как

общественное значение, обозначая «свободу высказать мнение», так и личное «искренность» с друзьями и близкими людьми. Исторически тираны стремились подавлять первое (Arist. Pol. 5. 11), Писистрат был исключением (Arist. Ath. Pol. 16.6). Аристотель описывает, как тираны создавали атмосферу подозрения при своих дворах, что не способствовало искренности со стороны близких. Но Аристотель описывает злодеяния тирании, в то время как Исократ рисует идеальную монархию» [Usher 1990, 210–211].

В «Никокле», встречаются более смелые заявления и почти полное пренебрежение отрицательными сторонами единовластного правления. Хотя даже в этой речи можно увидеть критическое замечание в адрес единоличной власти (3. 15). В речи «К Никоклу» оценка единовластного правления более умеренная. В самом начале речи Исократ признает, что в реальности единоличное правление не лишено своих недостатков, как например в следующем месте: οἱ μὲν γὰρ πλείστοι τῶν ἀνθρώπων αὐτοῖς οὐ πλησιάζουσιν, οἱ δὲ συνόντες πρὸς χάριν ὁμιλοῦσιν. Καὶ γὰρ τοὶ κύριοι γιγνόμενοι καὶ χρημάτων πλείστων καὶ πραγμάτων μεγίστων, διὰ τὸ μὴ καλῶς χρῆσθαι ταύταις ταῖς ἀφορμαῖς πεποιήκασιν ὥστε πολλοὺς ἀμφισβητεῖν πότερόν ἐστιν ἄξιον ἐλέσθαι τὸν βίον τὸν τῶν ἰδιωτευόντων μὲν, ἐπιεικῶς δὲ πραττόντων, ἢ τὸν τῶν τυραννευόντων (2. 4) — «Большинство людей не приближаются к ним (единоличным правителям — Д. К.), а те, кто рядом с ними, угодничают. И став обладателями больших богатств и великой власти, они, из-за того, что не правильно пользуются такими возможностями, сделали так, что многие спорят, какую жизнь стоит выбрать, жизнь простых людей, однако живущих прилично, или же жизнь тиранов». Сам Исократ говорит о наличии критики монархии в этой речи. В речи «Об обмене имуществом» он пишет: ἐν μὲν οὖν τῷ προομιῶ καὶ τοῖς πρώτοις λεγομένοις ἐπιτιμῶ ταῖς μοναρχίαις, ὅτι δέον αὐτοὺς τὴν φρόνησιν ἀσκεῖν μᾶλλον τῶν ἄλλων, οἱ δὲ χειρόν παιδεύονται τῶν ἰδιωτῶν (15. 71) — «Итак во введении и в начале речи я обвиняю монархов в том, что хотя они должны

развивать разум скорее других, они получают образование хуже, чем обычные люди».

В речи «К Никоклу» можно увидеть и признание достоинств народовластия: τὸς μὲν γὰρ ἰδιώτας ἐστὶ πολλὰ τὰ παιδεύοντα ... ἔπειθ' οἱ νόμοι, καθ' οὓς ἕκαστοι πολιτευόμενοι τυγχάνουσιν, ἔτι δ' ἡ παρρησία καὶ τὸ φανερώς ἐξεῖναι τοῖς τε φίλοις ἐπιπλῆξαι καὶ τοῖς ἐχθροῖς ἐπιθέσθαι ταῖς ἀλλήλων ἀμαρτίαις: (2. 3) — «Ведь для простых людей есть множество того, что их воспитывает... затем законы, по которым они живут, еще свобода слова и возможность для друзей открыто порицать, а для недоброжелателей нападать на ошибки друг друга». Воспитание, которое получает частный человек, оказывается лучше, чем воспитание монарха, что перекликается с местом из XV речи. Вместе с этим в качестве преимущества народовластия снова указана возможность выступать открыто. Как кажется, это может вступать в конфликт с местом из речи самого Никокла (3. 19), где он говорит о том, что на собраниях, люди чаще проводят время διαφερομένους ἢ κοινῇ βουλευομένους «спорящими, чем советуясь об общественных делах». Необходимо признать, что такое положение вещей — нормальное состояние для демократического режима, при котором у каждого есть возможность высказаться. Однако, вряд ли стоит на основании этого места делать выводы о разных точках зрения на свободу слова. Скорее всего идеальная «свобода слова» для Исократа выражается, как уже было сказано выше, в возможности выступать людям «благоразумным», а не всем гражданам. Так что появляется два образа. Первый — свобода слова абсолютная, ситуация, напоминающая Афины, где толпа не прислушивается к «достойным» людям. Второй — свобода слова для «благоразумных» людей то, что рекомендует Никоклу Исократ. Важность свободы выступать открыто для Исократа объясняется его особым отношением к слову. Начало речи «Никокл» содержит в себе апологию словесного искусства (3.6–8). Также о важности публичного красноречия пишет Папийон: «Как защитник публичного красноречия, он (Исократ — Д. К.) продвигает более раннюю культуру

публичных выступлений, напоминая своей аудитории, несмотря на то, что современная культура выступлений послужила тому, что богатые и уважаемые граждане, как он сам, привлечены в суды из-за личных обид и зависти, публичное красноречие изначально и в идеале составляет основу общества» [Papillon 2007, 11]. Так что для Исократ невозможно представить правильно устроенное государство без свободы слова, даже беря во внимание изъятия такой свободы.

Однако следует сделать важное уточнение, для каких граждан такой тип правления представляется наилучшим, интересы какого слоя тут защищает Исократ? Ответ, как кажется, можно увидеть в следующем отрывке, который я уже разбираю в предыдущей главе: Καίτοι τίς οὐκ ἂν δέξαιτο τῶν εὖ φρονούντων τοιαύτης πολιτείας μετέχειν, ἐν ᾗ μὴ διαλήσει χρηστός ὢν, μᾶλλον ἢ φέρεσθαι μετὰ τοῦ πλήθους μὴ γινωσκόμενος ὁποῖός τίς ἐστίν. (3. 16) — «И кто же из благоразумных людей не согласился бы жить скорее при таком государственном устройстве, при котором то, что он человек достойный, не будет незамеченным, чем носиться вместе с толпой не признанный, каков он есть». Тот факт, что человек «достойный» остается не признанным, говорит о неспособности народовластия оценить достоинства отдельного человека. Так например Никокл утверждает, что именно тираны лучше всего разбираются в природных качествах людей (3. 16).

Отрывок, посвященный советникам и людям, к которым прислушивается правитель (3.21), скорее всего отсылает к проблеме афинской демократии, о которой упоминает Аристотель в «Афинской политике». Он говорит, что Клеон καὶ πρῶτος ἐπὶ τοῦ βήματος ἀνέκραγε καὶ ἐλοιδορήσατο, καὶ περιζωσάμενος ἐδημηγόρησε (Arist. Ath. Pol. 28) — «И он первый начал кричать и ругаться на помосте, и, обвязавшись, выступал перед народом». Родс в комментарии к «Афинской политике» пишет об этом месте следующее: «Клеон был первым ритором, который «кричал» ἀνέκραγε, «осыпал оскорблениями»

ἐλοιδόρησато и выступал «обвязавшись»: последнее предположительно связано с фразой Эсхина «держать руку снаружи» и Плутарха «скидывать свой гиматий» (περιπάσας τὸ ἱμάτιον (Pl. Nic. 8)), и должно означать, что он закреплял свою одежду так, чтобы свободно жестикулировать одной или обоими руками» [Rhodes 1985, 354]. Из свидетельства Аристотела, можно заключить, что именно таким «дерзким» советником, о которых пишет Исократ, и был Клеон. То есть народ прислушивался не к людям знающим и достойным, а к тем, кто мог захватить его внимание, зачастую своими яркими речами, жестами и напором. Это не могло не раздражать Исократа, как человека обладавшего политическими амбициями, но не могущего их реализовать в такой среде из-за слабости голоса и страха толпы (5. 81, 15. 190–191) [Фролов 1991, 330; Jaeger 1986, 51]. Он видел, что такая демократическая система не работает должным образом и решения зависят зачастую от советов людей «дерзких». О таком положении дел сам Исократ упоминает еще в речи «О мире» (8. 14), однако там он употребляет другое слово ἀφροεστάτοι «в высшей степени неразумные», говоря, что свобода слова, о которой уже упомянуто выше, в народном собрании доступна только такого рода ораторам. И в предыдущем параграфе (8. 13) Исократ критикует людей, как выступающих в народном собрании, так и пользующихся такими советниками. Речь «К Демонику» также содержит такого рода предостережение (1. 15), где такие речи названы λόγος μετὰ θράσους, что перекликается с местом из Эсхина (Tim. 25), где выступление на публике с рукой на виду охарактеризовано как θρασύ. Дерзость как недостаток политического деятеля, Исократ противопоставляет добродетели разумности [Bloom 1955, 25–26]. Никокл утверждает, что «справедливость» δικαιοσύνη и «разумность» σωφροσύνη главные добродетели (3.29).

Недовольство функционированием демократических институтов было достаточно распространено в 4 в., об этом упоминают в своем предисловии к речи «Никокл» Матье и Бремон: «Неприятнь образованных людей по

отношению к реальной работе демократических режимов была распространена в Греции в начале 4 в.» [Mathieu, Bremond 1928, 115–116]. Также в своем предисловии к изданию Исократов Т. Папийон упоминает об этом, однако говорит больше о работе судов: «С течением времени афинская судебная и политическая больше оценивалась негативно, нежели позитивно... Судебная система была непостоянна и зависела от ораторских способностей судящихся оставляя без внимания правду или справедливость» [Papillon 2004, 25].

Теперь следует разобрать следующие отрывки, в которых перечисляются отрицательные качества, присущие единоличному правителю. Первое из них — утверждение Отана, часть которого, касательно пользования различными советниками, была уже разобрана выше: φθόνος δὲ ἀρχῆθεν ἐμφύεται ἀνθρώπῳ. [...]. Καίτοι ἄνδρα γε τύραννον ἄφθονον ἔδει εἶναι, ἔχοντά γε πάντα τὰ ἀγαθὰ· τὸ δὲ ὑπεναντίον τούτου ἐς τοὺς πολίτας πέφυκε: φθονέει γὰρ τοῖσι ἀρίστοισι περιεοῦσί τε καὶ ζώουσι χαίρει δὲ τοῖσι κακίστοισι τῶν ἀστῶν (Hdt 3. 80. 4) — «Зависть же изначально присуща человеку. И тиран не должен никому завидовать, так как у него есть все богатства. А на деле он становится противоположным этому по отношению к своим гражданам: ведь он завидует людям достойным, из-за того что они живут и здравствуют, и с радостью принимает худших из граждан».

У Исократов же мы видим противоположное утверждение: οἱ δ' ἐν ταῖς μοναρχίαις ὄντες, οὐκ ἔχοντες ὅτῳ φθονήσουσιν (3. 18) — « те, кто находятся на государственных должностях в монархиях, не имея тех, кому они бы завидовали, преуспевают».

Здесь полемика нужна Исократу для того, чтобы оправдать образ правителя в глазах, прежде всего, греков. В предыдущей главе Как пишет Ашер: «ὄβρις ... φθόνος ... общие места архаичной религиозной мысли, примененные к анти-тиранической риторике» [Asheri 2007, 473]. Проблема зависти правителя к

людям достойным и зависть обычных людей к единоличному правителю была известна грекам. Частные люди видели власть как безусловный объект желания (Xenoph. Hier. 6. 9, 12; Solon fr. 33 West, Arist. Polit. 1313a20). О зависти к тирану в 6 в. например, пишет Паркер: «Солон описывает тиранию как нечто, что на первый взгляд может казаться желаемым, однако в действительности быстро ведет к крушению» [Parker 1988, 156]. Иначе тиранов представляли как людей, жаждущих власти и стремящихся удалить тех, кто может угрожать их правлению (Plat. Rep. 567b–c; Arist. Pol. 1313b). Эти две точки зрения в общем не противоречат друг другу. Нетрудно представить, как амбициозный человек, стремясь к тиранической власти и завидуя ее обладателям, получает ее. После чего он во всем видит угрозу своей власти. Главная же угроза исходит как раз от других выдающихся и амбициозных людей. Это упоминает Аристотель, рассказывая анекдот про тирана Периандра и совет Фрасибулу (Arist. Pol. 1284a). Периандр советовал ему убивать выдающихся людей. Однако Аристотель замечает, что подобные решения характерны не только для тиранов, боящихся за свою власть, но и демократий, боящихся выдающихся людей, которые могут захватить власть [Rosivach 1988, 55].

Исократ отвечает на такое заявление, объясняя, что так как тиран, в сущности, обладатель всякой власти в подвластном ему государстве, то и завидовать ему некому. Идея отсутствия зависти к людям достойным со стороны правителя возникает не только у Исократа, но и, например, у Пиндара. Это описывается как добродетель Гиерона Сиракузского в Третьей Пифийской оде. (Pind. Puth. III, 70–71). Про тирана буквально говорится $\Sigma\rho\alpha\kappa\acute{o}\sigma\tau\alpha\iota\sigma\iota \nu\acute{\epsilon}\mu\epsilon\iota \dots \omicron\upsilon \phi\theta\omicron\nu\acute{\epsilon}\omega\nu \acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\omicron\iota\varsigma$ — «(Гиерон — Д. К.) хранит Сиракузы, не завидуя достойным». Отсутствие такой зависти было одним из важных достоинств доброго правителя. Исократ же усиливает это качество, так как его Никокл утверждает, что «царям некому завидовать».

Также Никокл отвечает и на проблему зависти тирану и его приближенным (3. 60). Он говорит, что не следует завидовать тем, кого он поощряет, а наоборот стремиться сравняться с ними. Получается некая форма соревнования. Слово, которое использует в этом отрывке Никокл ἀμιλλᾶσθε — «соревнуйтесь», предполагает такое устройство, при котором существуют некие награды за выполнение различных государственных повинностей. Можно вспомнить уже упомянутое место из речи «К Демонику»: Ἐκ τῶν κοινῶν ἐπιμελειῶν ἀπαλλάττου μὴ πλουσιώτερος ἀλλ' ἐνδοξότερος (1.37) — «С общественных должностей уходи не богаче, а более прославленным». Утверждается, что общественные должности не должны быть прибыльными для тех, кто их удерживает. Тема денег и обогащения занимает Исократа, так как в своих речах он упоминает, что богатства — достояние в первую очередь черни (1. 38; 2. 32), в таком же духе об этом говорит Никокл (3. 50)

Заключая сравнение Исократа и Геродота нужно отметить, что нельзя достоверно говорить об их прямой полемике, однако некоторые из положений, выдвигаемых оратором, могут опираться на Геродота. Намеренно это было сделано или нет, точно сказать нельзя. В рассуждении о зависти, Исократ мог обращаться к тексту Геродота, в остальных местах историк выдвигает общие анти-монархические утверждения, на которые откликается Исократ. Тем не менее можно видеть, как изменяется образ единовластия, и как его изображает человек, не отрицающий определенных заслуг народовластия, обращаясь к единоличному правителю.

Теперь для сравнения следует обратить внимание на следующий отрывок из «Политики» Аристотеля, в котором он, разбирая различные формы единоличной власти, упоминает следующую: τέταρτον δ' εἶδος μοναρχίας βασιλικῆς αἱ κατὰ τοὺς ἡρωικοὺς χρόνους ἐκούσιαί τε καὶ πάτρια γιγνόμεναι κατὰ νόμον. διὰ γὰρ τὸ τοὺς πρώτους γενέσθαι τοῦ πλήθους εὐεργέτας κατὰ τέχνας ἢ πόλεμον, ἢ διὰ τὸ συναγαγεῖν ἢ πορίσαι χώραν, ἐγίγοντο βασιλεῖς ἐκόντων καὶ τοῖς

παραλαμβάνουσι πάτριον. κύριοι δ' ἦσαν τῆς τε κατὰ πόλεμον ἡγεμονίας καὶ τῶν θυσιῶν, ὅσαι μὴ ἱερατικάι, καὶ πρὸς τοῦτοις τὰς δίκας ἔκρινον. οἱ μὲν οὐκ ὀμνύοντες οἱ δ' ὀμνύοντες (Arist. Polit. 1285b 11–12) — «Четвертым видом царского единовластия являются те монархии, которые существовали в героическое время и основывались на добровольном согласии граждан, равно как и на праве законного наследования. Поскольку родоначальники этих героических царей оказывались благодетелями народной массы – либо как изобретатели тех или иных ремесел, либо как предводители на войне, либо как основатели государственного объединения, либо как расширившие территорию, – то они и становились царями по добровольному согласию граждан, а их потомки получали царскую власть путем наследования. Власть их выражалась в предводительстве на войне, в совершении жертвоприношений – поскольку последнее не составляло особой функции жрецов – и, сверх того, в разбирательстве судебных дел, причем в этом последнем случае одни цари творили суд, не принося клятвы, другие – принося ее» (пер. С. А. Жебелева).

У Исократ в «Похвале Елене» встречается следующий отрывок: ὥσθ' ὁ μὲν τὸν δῆμον καθίστη κύριον τῆς πολιτείας, οἱ δὲ μόνον αὐτὸν ἄρχειν ἠξίουν, ἠγούμενοι πιστοτέραν καὶ κοινοτέραν εἶναι τὴν ἐκείνου μοναρχίαν τῆς αὐτῶν δημοκρατίας. (10. 36) — «Так он (Тесея — Д. К.) стремился сделать народ господином государства, а они считали его одного достойным править, полагая, что его единоличное правление более надежное и больше устроит их, чем их народовластие».

Несмотря на то, что эта речь не относится к циклу Кипрских речей, она, как например считает Дреруп [Drerup 1906, 141], была написана незадолго до создания этого цикла. Ее можно и нужно использовать для того, чтобы лучше понять взгляд Исократ, если не на кипрскую монархию, то на единовластие вообще.

В комментарии к тексту «Политики» Ньюман пишет: «Говорится, что эта царская власть возникла в согласии с законом, потому что такие монархии, в отличие от тираний, их появление не обязано своевольному действию одного человека; на самом деле, они обязаны, как это объяснено в следующем предложении, благодарности своих подданных за оказанные благодеяния» [Newman 1887, 271]. Исократ использует важный для афинян образ Тесея в качестве народного героя. Тесей как национальный герой афинян обладал большим авторитетом. Невозможно сомневаться, что строй, который создает этот персонаж, для Исократа идеален, или по крайней мере это идеальное единоличное правление. Так, например, он говорит о положении Тесея: ἐπέδειξεν ὅτι ῥάδιόν ἐστιν ἅμα τυραννεῖν καὶ μηδὲν χεῖρον διακεῖσθαι τῶν ἐξ ἴσου πολιτευομένων. (10. 34) — «Он (Тесей — *Д. К.*) показал, что легко быть единоличным правителем и вместе с этим чувствовать себя не хуже тех людей, которые участвуют в управлении как равноправные граждане». Власть Тесея, или то, как ее изображает Исократ, скорее представляла собой не демократию, а монархию на основе «демократической легитимации» [Zajonz 2002, 207]. Отрывку, характеризующему власть Тесея, предшествует череда критики плохого единоличного правления: незаконный захват власти, разграбление святынь и казни сограждан (10. 32–34). Так что Исократ явно сознает существование правильного и неправильного единоличного правления, и сознательно противопоставляет такому «порочному» единовластию идеальный образ царя. Одним из главных атрибутов такого «правильного» единовластия можно считать именно моральные качества царя, о которых я уже упомянул.

Строй, который создает Тесей, попадает и в категорию, которую описывает Аристотель. Афинский царь — один из деятелей героического времени, и получил власть от народа. У Аристотеля одной из причин получения царской власти выступает τὸ συναγαγεῖν «основание государственного объединения» в переводе Жебелева. Исократ же пишет про

Тесея, что он сделал город могущественным: καὶ πρῶτον μὲν τὴν πόλιν σποράδην καὶ κατὰ κώμας οἰκοῦσαν εἰς ταῦτὸ συναγαγὼν (10. 35) — «Сначала собрав в одно место разбросанных по селениям жителей». В обоих случаях речь идет о синойклизме.

В похожем ключе описывается и власть, которую устроил Евагор, несмотря на то, что она ближе всего именно к «классической» тиранической узурпации власти. Исократ говорит о нем скорее как о благодетеле по отношению к городу. Например так он описывает положение дел в Саламине после прихода Евагора к власти: Παραλαβὼν γὰρ τὴν πόλιν ἐκβεβαρβαρωμένην καὶ διὰ τὴν τῶν Φοινίκων ἀρχὴν οὔτε τοὺς Ἑλληνας προσδεχομένην οὔτε τέχνας ἐπισταμένην οὔτ' ἐμπορίῳ χρωμένην οὔτε λιμένα κεκτημένην, ταῦτά τε πάντα διώρθωσεν καὶ πρὸς τοῦτοις καὶ χώραν πολλὴν προσεκτήσατο καὶ τείχη προσπεριεβάλετο καὶ τριήρεις ἐναυπηγήσατο (9.47) — «Ведь приняв город одичавшим и из-за власти финикийцев, не принимавшим греков, не знавшим ни искусств, ни ремесел, не занимавшимся торговлей, не имеющим гавани, он исправил все это и вдобавок к этому присоединил много земли, воздвиг стены и построил триеры». Алексиу отмечает, что правление Евагора удовлетворяет не собственные эгоистические интересы царя [Alexiou 2018, 136–137].

Получается картина похожая на ту, что описывает Аристотель. Деятельный правитель помогает своим подданным. Однако этот образ «одичавшего» города далек от действительности. Вот, что по этому поводу пишет Майер: «Евагор укрепил только что завоеванную власть в Саламине с помощью масштабной перестройки: он усилил городские укрепления, расширил гавань и построил флот из триер (Исократ. Евагор, 47). К таким мерам подталкивала отнюдь не «варваризация» Саламина при финикийском правлении, как внушает нам Исократ; в течение этого периода не обнаруживается никакого упадка искусств и материальной культуры в Саламине и вообще на Кипре...» [Майер 2017, 375]. Исократ мало заботит реальное положение дел в Саламине.

Как пишет об этом Кристин Кёрнер, описывая греческие источники о кипрских политических устройствах: «Форма кипрской монархии не интересует Исократа; соответственно также и «Евагор» не является плодотворным материалом для этого вопроса» [Körner 2017, 227]. Исократ изображает Евагора именно как благодетеля города, независимо от того действительно ли этот город находился в бедственном положении или нет. Правление отца Никокла намеренно идеализируется Исократом и приближается к правлению Тесея. Хотя следует оговориться, что саму власть Евагор захватил силой. Это приближает ее скорее к тирании. Тем не менее Исократ не считает, что власть была захвачена против закона, так как сам Евагор является потомком изначальных правителей Кипра. Также Исократ описывает обстоятельства так, что Евагор скорее не захватывает власть, а возвращает то, что должно было принадлежать ему. Власть финикийцев над Саламином была скорее властью варваров над эллинами, чего оратор поддерживать никак не мог.

В своей речи Никокл, обосновывая свои права на правление говорит: ὥς ἐγὼ ταύτην ἔχω τὴν ἀρχὴν οὐ παρανόμως οὐδ' ἀλλοτρίαν, ἀλλ' ὁσίως καὶ δικαίως καὶ διὰ τοὺς ἐξ ἀρχῆς προγόνους καὶ διὰ τὸν πατέρα καὶ δι' ἐμαυτόν. (3. 13) —«что я обладаю таковой властью не вопреки закону и не отняв ее, но по божественному праву и по справедливости и благодаря моим древним предкам и моему отцу и мне самому».

Выше я уже кратко упоминал об этом месте, теперь следует обратить внимание на другую сторону этой мысли. Из этой фразы можно заключить следующее. Во-первых, Никокл утверждает, что власть он принял не путем свержения предыдущего правителя, как например сделал его отец, а получил ее наследственно. Важна законность этой власти, Никокл управляет своим государством не из-за своей личной гордыни или жажды власти, а из-за того, что по закону эта власть перешла к нему. Как Аристотель пишет, что царская

власть передалась κατὰ νόμον (Arist. Polit. 1285b11), к Никоклу власть перешла таким же образом. Во-вторых, власть его самого и его рода вообще основывается на благодеяниях, которые оказали его предки. Таким образом Исократ приближает власть Никокла к царской власти героических времен. Также интересно отметить, что «предки» οἱ ἐξ ἀρχῆς προγόνοι и отец упоминаются отдельно. Никокл легитимизирует свою власть и своим благородным происхождением от богов и поступками своего отца. Таким образом сочетаются легендарные события и события, о которых помнят его слушатели. Обоснование власти с помощью божественного происхождения — общее место во многих единоличных правлениях.

Мне представляется важным отметить одно противоречие между царской властью, описываемой Аристотелем, и властью Евагора и Никокла. Первая предполагает, что, если царь переставал выполнять свои функции, народ мог сместить его. Вот что пишет Туманс, рассуждая о героической царской власти: «Басилеям есть чего опасаться, т.к. народ – в случае чего – может лишить их почета, имущества и даже жизни (II., VIII, 161 sqq.; Od., XVI, 424 sqq.). И тот же народ наделяет героя царской властью, либо выбирая его на собрании, либо награждая за спасение общины от врага (II., VI, 193–194; IX, 575 sqq.; Od., 391–392). Следовательно, для того, чтобы харизма и ратные подвиги могли быть конвертируемы во власть, необходима санкция общины» [Туманс 2016, 14]. Естественно, ни о каком лишении власти Никокла Исократ даже не упоминает, так как это было бы крайне неразумно с его стороны. К тому же царская власть на Кипре была, по-видимому, слишком сильна, а народ не обладал достаточной политической властью, чтобы эта возможность была реальна. Существовал достаточно большой разрыв между простыми людьми и политической элитой. [Pestarino 2022, 47].

Отдельно стоит рассмотреть отрывок, в котором Аристотель говорит о вынесении судебных приговоров: καὶ πρὸς τοῦτοις τὰς δίκας ἔκρινον οἱ μὲν οὐκ

ὀμνύοντες οἱ δ' ὀμνύοντες — «они выносили решения в суде, одни из них не принося клятву, а другие принося». В комментарии к этому отрывку Ньюман, рассуждает о том, действительно ли цари могли рассматривать все дела в одиночку, или же они прибегали к советам γέροντες. Отдельно он рассматривает и отрывок про клятвы, где говорит: «те цари, которые приносили клятву во время суда, без сомнений приносили клятву судить справедливо и в согласии с законами» [Newman, 1887, 274]. А вот что говорит Исократ про Евагора: καὶ σφόδρα μὲν ἀπάντων ἄρχων, νομίμως δὲ τοὺς ἐξαμαρτόντας κολλάζων (9. 43) — «твердо правя всеми, он тем не менее наказывал провинившихся согласно закону». Здесь согласуется сильная царская власть, при которой решающее слово остается за правителем, с существованием законов, которые не позволяли правителю своевольничать. Конечно, в таком устройстве даже при существовании писанных законов могла возникнуть проблема царского произвола. Поэтому среди советов к Никоклу можно найти следующий: Τὰς κρίσεις ποιοῦ περὶ ὧν ἂν πρὸς ἀλλήλους ἀμφισβητῶσιν μὴ πρὸς χάριν μηδ' ἐναντίας ἀλλήλαις, ἀλλ' ἀεὶ ταῦτά περὶ τῶν αὐτῶν γίγνωσκε· καὶ γὰρ πρέπει καὶ συμφέρει τὴν τῶν βασιλέων γνώμην ἀκινήτως ἔχειν περὶ τῶν δικαίων, ὥσπερ τοὺς νόμους τοὺς καλῶς κειμένους. (2. 18) — «Выноси судебные решения о том, в чем твои подданные могут спорить друг с другом, нелицеприятные и не противоречащие друг другу, но суди всегда одинаково об одних и тех же вещах, ведь подобает и полезно, чтобы мнение царей о справедливых вещах оставалось одинаковым, как законы, которые хорошо установлены».

Во-первых, здесь заметна похвала хорошо установленным законам, которая уже встречалась в начале речи (2.3). Такое одобрение законов часто встречается вместе с одобрением народовластия [Jones 1953, 5]. Одобрение же единовластия обычно идет вместе с признанием несовершенности даже наиболее прекрасных законов. Например в диалоге «Политик» Платон подвергает критике законы, говоря, что даже самые лучше из них не могут

учесть все, и необходим человек для того, чтобы вынести справедливое решение (Plat. Polit. 294b–294c). Однако не стоит делать вывод, что Исократ в этом месте следует общей традиции и представляет, что лучше всего главенство законов. Скорее само наличие законов это признак хорошо устроенной политики, в то время как полное их отсутствие нежелательно [Konstan 2004, 116]. Само наличие такого совета может свидетельствовать о том, что Исократ понимал, что часто цари могли судить несправедливо и исходя из личных соображений, что было серьезным недостатком их власти. Оратор не мог предложить ученику ограничить свою власть, так как царь вряд ли бы на это согласился. Вместо этого есть вполне реально выполнимый совет — всегда выносить одинаковые решения по одним и тем же вопросам.

Выше уже встречалось упоминание законов в контексте их хорошего влияния на людей, им подчиняющимся. Однако важно уточнить, какого рода законы предлагает вводить Исократ. Вот, что он говорит: Ζῆτει νόμους τὸ μὲν σύμπαν δίκαιους καὶ συμφέροντας καὶ σφίσιν αὐτοῖς ὁμολογουμένους, πρὸς δὲ τούτοις οἵτινες τὰς μὲν ἀμφισβητήσεις ὡς ἐλάχιστας, τὰς δὲ διαλύσεις ὡς οἷόν τε ταχίστας τοῖς πολίταις ποιοῦσιν· ταῦτα γὰρ ἅπαντα προσεῖναι δεῖ τοῖς καλῶς κειμένοις (2. 17) — «Стремись к законам в целом справедливым и полезным и согласующимся друг с другом, к таким, которые вызывают меньше всего споров и могут выносить решение для граждан наиболее быстро. Ведь все это должно присутствовать у хорошо установленных законов».

Говоря о таких законах, при которых решение выносится быстрее всего и сами законы вызывают меньше всего споров, Исократ явно отсылает к проблеме афинского законодательства. А именно существование противоречащих друг другу законов, непонятных формулировок законов, существование случаев, непредусмотренных законами [Суриков 2015, 214–215]. Естественно, что все это мешало справедливому принятию решений, провоцировало сутяжничество. Все это претило Исократу, но от идеи хорошо

установленных законов он не отказывается, так что предлагается компромисс: законы нужны, но их должно быть немного и они должны быть четкими. Похожая позиция встречается в «Панегирике» (4. 78) и в Ареопагитике (7. 41). Так не возникнет проблема сикофантов, от которых позднее пострадал сам Исократ (Pseud.-Plut. Vit. Dec. 838a), и при этом царь не сможет вершить произвол. Не вступает ли это в противоречие с тем, что уже было написано выше? Как мне кажется, нет. Вся судебная власть находится в руках Никокла, и законы для него это не список жестких правил, следуя которым он выносит решения. Царь может принять любое решение, которое посчитает нужным для блага полиса. Получается, что народ отдан на милость такому монарху и полагается только на его высокие моральные качества. Как уже было отмечено, никаким образом простые люди не могли сместить Никокла, оставаясь при этом в рамках закона.

Отношения тирана и законов, судя по всему, занимало не только Исократ. Интересно отметить, что в «Гиероне» Ксенофонт, под маской Симонида, тоже дает советы единоличному правителю (Xenoph. Hier. 9–11). Как отмечает Лео Штраус, Симонид избегает употребления слова закон, когда говорит о наилучшем виде тирании [Штраус 2006, 125]. У Исократа такого не наблюдается. Скорее наоборот, власть царя, даже самого лучшего, не может быть абсолютной. Конечно это далеко не образ закона и правителя как «первого слуги и первого должностного лица в государстве», который встречается позднее в абсолютистских монархиях. Царь все еще обладает возможностью эти законы преступать, совершенно с ними не согласовываться, но тем не менее законы есть.

Остается непонятным, что может удерживать единоличного правителя от злоупотребления своей властью. Ведь, если царь не подчиняется законам и его подданные не могут законным образом повлиять на его власть, то, находясь в такой сильной позиции, он может, не обращая внимания на

увещевания своего учителя, притеснять своих граждан. Ответом на это замечание может, как мне кажется, послужить следующий отрывок: Χρὴ δὲ δοκιμάζειν τὰς ἀρετὰς οὐκ ἐν ταῖς αὐταῖς ιδέαις ἀπάσας, ἀλλὰ τὴν μὲν δικαιοσύνην ἐν ταῖς ἀπορίαις, τὴν δὲ σωφροσύνην ἐν ταῖς δυναστείαις (3.44) — «Следует испытывать все добродетели не в одном и том же положении, но справедливость в затруднениях, благоразумие, находясь при власти». Здесь Никокл упоминает два главных достоинства правителя, об обладании которыми он до этого говорил (3.31–42). О том, что эти качества главенствуют, рассказывает он сам: Οἶμαι γὰρ ἐγὼ πάντας ἂν ὁμολογῆσαι πλείστου τῶν ἀρετῶν ἀξίας εἶναι τὴν τε σωφροσύνην καὶ τὴν δικαιοσύνην — «Я считаю, что все бы согласились, что более важными из всех добродетелей является разумность и справедливость». Такие же качества Исократ приписывает и Евагору (9.22–23). Именно σωφροσύνη удерживает правителя от притеснения своих граждан.

Формулируя то, как проверяются эти добродетели, Никокл говорит, что σωφροσύνη испытывается, когда человек находится у власти. Убеждая своих слушателей в том, что он обладает этим качеством, он говорит о надлежащем поведении по отношению к своей жене. Скорее можно было бы ожидать его рассказ о том, насколько благосклонно он относится к своим подданным и не притесняет их. Но об этом он говорит, когда описывает другую свою добродетель — δικαιοσύνη. В обращении к Никоклу Исократ говорит: ἀλλὰ τὴν σαυτοῦ σωφροσύνην παράδειγμα τοῖς ἄλλοις καθίστη, γινώσκων ὅτι τὸ τῆς πόλεως ὅλης ἦθος ὁμοιοῦται τοῖς ἄρχουσιν. Σημεῖον ἔστω σοι τοῦ καλῶς βασιλεύειν, ἂν τοὺς ἀρχομένους ὀρεῖς εὐπορωτέρους καὶ σωφρονεστέρους γιγνομένους διὰ τὴν σὴν ἐπιμέλειαν (2. 31) — «Но установи примером другим свою собственное благоразумие, зная, что нравы всего города уподобляются тем, кто правит. Пусть будет для тебя знаком хорошего царствования, если ты увидишь, что благодаря твоему старанию твои подданные становятся богаче и целомудренней». Возможно, что именно «благоразумие» Никокла выступает в качестве морального ориентира для его подданных. Они становятся более

разумными, более честными, а это одно из признаков хорошего царя. Так проясняется и почему примером такой добродетели является отсутствие стремления к любовным связям на стороне. Это подало бы плохой пример для его подданных. На царе лежит большая ответственность, он постоянно находится на виду и ему следует властвовать над собой еще лучше, чем он властвует над людьми (2.29). Поэтому это качество лучше всего проявляется именно тогда, когда человек находится у власти. Обладая почти что абсолютной властью, Никокл может получить все, что он хочет, при этом, как он сам отмечает: οὐκ ἀγνοῶν ὅτι κάκεῖνοι παρὰ τοῖς πολλοῖς εὐδοκίμοῦσιν, ὅσοι περὶ μὲν τὰ τῶν ἰσχυρῶν δίκαιοι τυγχάνουσιν ὄντες, ἄλλοθεν δὲ ποθεν αὐτοῖς ἐπορίσαντο τὰς ἡδονὰς (3.37) — «зная, что те имеют хорошую славу у народа, которые оказываются справедливыми в делах граждан, а где-то в другом месте обретают себе удовольствия». То есть, можно быть хорошим и справедливым государственным деятелем, даже если ты ведешь достаточно распутный образ жизни. Исократ не могло это устраивать, поэтому он и выделяет σωφροσύνη, качество способное удержать правителя от подобного поведения. Обладая σωφροσύνη правитель может воспитывать своих подданных.

В этом контексте интересно рассмотреть отрывок из речи Исократ, адресованной Демонику. Там Исократ среди советов называет следующий: Μίμοῦ τὰ τῶν βασιλέων ἤθη καὶ δίωκε τὰ ἐκείνων ἐπιτηδεύματα· δόξεις γὰρ αὐτοὺς ἀποδέχεσθαι καὶ ζηλοῦν, ὥστε σοι συμβήσεται παρὰ τε τῷ πλήθει μᾶλλον εὐδοκμεῖν καὶ τὴν παρ' ἐκείνων εὖνοιαν βεβαιότεραν ἔχειν. Πείθου μὲν καὶ τοῖς νόμοις τοῖς ὑπὸ τῶν βασιλέων κεκλιμένοις, ἰσχυρότατον μὲντοι νόμον ἡγοῦ τὸν ἐκείνων τρόπον (1. 36) — «Подражай нравам царей и следуй их образу жизни, ведь так ты будешь иметь репутацию сторонника и ревнителя царской власти, так тебе скорее случится быть в хорошей славе у народа и иметь верную их (царей — Д. К.) благосклонность. Следуй и законам, установленным царями, а самым сильным законом считай их волю».

Сразу бросается в глаза конец этой фразы, где утверждается, что законам надо следовать, но самый сильный закон это воля царя. Это как раз согласовывается с предыдущими местами. Как указано в гипотезе к первой речи Исократу, Демоник — житель монархического государства на Кипре. Таким образом, несмотря то, что он один из βέλτιστοι, он все равно должен полагаться на царя и его εὔνοια. Он должен подражать его нравам, что ожидаемо, ведь по Исократу царю следует превосходить простых граждан и в моральном плане (2.11–12). А также следовать его образу жизни. Здесь уместно заметить, что некоторые из советов направленных Никоклу и Демонику пересекаются. Совет спокойно относится к богатству (1.6–9, 38; 2.32), быть благочестивым по отношению к богам (1.13; 2.20). Это можно объяснить универсальностью этих советов. Больше вопросов вызывает следующая часть, где утверждается, что подражанием царю можно заслужить добрую славу у народа. Это достаточно необычно. Такой почет у народа можно заслужить скорее служа и подражая нравам самого народа, а не человека, который изначально стоит выше их и находится в некоторой им оппозиции. Для Исократу вообще не характерна мысль, что мнение народа не стоит учитывать. Он говорит, что слава среди людей это важно (1.37; 2.36–37). О необходимости заботы о народе оратор говорит следующее: γινώσκων ὅτι καὶ τῶν ὀλιγαρχιῶν καὶ τῶν ἄλλων πολιτειῶν αὗται πλεῖστον χρόνον διαμένουσιν αἵτινες ἂν ἄριστα τὸ πλῆθος θεραλεύωσιν (2.16) — «Зная, что и из олигархий и из других государственных устройств те сохраняются дольше всего, которые наилучшим образом могут заботиться о народе». Толпа должна отвечать взаимным уважением к царю и людям, которых он приближает к себе. Никокл призывает своих граждан соревноваться в добродетели, он также говорит μή φθονεῖτε «не завидуйте» тем людям, к которым царь был благосклонен (3. 60). Демоник должен рассчитывать на одобрение людей, если он будет приближен к их благодетелю.

Однако между властью Евагора и Никокла есть существенное различие. Как пишет Исократ своему ученику: Οὐ γὰρ οὔτ' ἐμὲ λέληθας οὔτε τοὺς ἄλλους ὅτι καὶ πρῶτος καὶ μόνος τῶν ἐν τυραννίδι καὶ πλούτῳ καὶ τρυφαίῃς ὄντων φιλοσοφεῖν καὶ πονεῖν ἐπικεχειρήκας (9.78) — «Ведь ни от меня, ни от других не укрылось, что ты первый и единственный из тех, кто находится в положении тирана и в богатстве и роскоши принялся заниматься философией». Важно обратить внимание на слова πρῶτος καὶ μόνος. Даже цари прошлого, которые устанавливали прекрасные порядки, не обладали образованием. Это были люди безусловно одаренные природой, но их качества не были отточены хорошим образованием. В противовес им и своему отцу Никокл стремится к знаниям, и это выделяет его на фоне всех остальных тиранов и царей, как нынешних, так и прежних. О необходимости такого образования оратор говорит следующее: διὰ γὰρ τούτων τῶν γυμνασίων τάχιστ' ἂν γένοιο τοιοῦτος οἷον ὑπεθέμεθα δεῖν εἶναι τὸν ὀρθῶς βασιλεύσοντα καὶ τὴν πόλιν ὡς χρὴ διοικήσοντα (2.13) — «С помощью такого рода упражнений (общение с разумными людьми, изучение поэтов и софистов — *Д. К.*) ты скорее всего сможешь стать таким, каким мы считаем должен быть тот, кто правильно царствует и руководит городом как следует». Стоит отметить разделение понятий ὀρθῶς βασιλεύσων и τὴν πόλιν ὡς χρὴ διοικήσων. Подготовка необходима не только царям, но и всякому, кто собирается заниматься государственными делами. Эта необходимость образования для воспитания хорошего правителя из главных положений не только Исократа, но и Платона и Ксенофонта [Christodoulou 2016 141–142; Bloom 1995, 50; Eucken 1983, 224].

Власть Никокла напоминает царскую власть героического времени еще и тем, что он обладал судебной, жреческой и военной властью. Как я уже показал ранее, судебная власть, несмотря на наличие писанных законов, полностью принадлежала Никоклу. Также он был и главой культа, так как Исократ наставляет его: ἡγοῦ δὲ θῦμα τοῦτο κάλλιστον εἶναι καὶ θεραπείαν

μεγίστην, ἃν ὡς βέλτιστον καὶ δικαιοτάτον σαυτὸν παρέχης (2.20) — «считай же лучшей жертвой и величайшим служением, если ты покажешь самого себя как наилучшего и справедливейшего человека». Также это подтверждается и археологическими находками [Евдокимов 2018, 176–177]. А про его военное предводительство косвенно свидетельствует одно из достоинств, которыми выделяется монархия — военное превосходство. Об этом я уже говорил в первой главе. Он уделяет достаточно значимую часть своего рассказа о достоинствах единоличного правления именно этому аспекту. Рассказ об этом преимуществе занимает пять параграфов, с 22 по 26.

Из сравнения Аристотеля и Исократы можно заключить, что последний признавал существование «неправильной» единоличной власти, при которой страдают граждане города, но тем не менее считал, что такая власть может быть и правильной. Примером хорошо устроенной единоличной власти в городе он считал власть Тесея в Афинах. В качестве примера Никоклу, как стоит вести свое правление, учитель изображал власть его отца в том же ключе.

Заключение

В своей работе я стремился определить отношение Исократ к единоличной власти и ее образ, который он создает в «Кипрских речах». Итоговым результатом я могу назвать несколько следующих положений.

Во-первых, нельзя утверждать, что афинский оратор действительно придерживался монархических убеждений. Большинство доводов в пользу единовластия, приводимых Исократом как от своего лица, так и вложенных в уста Никокла, не столько указывают на его преимущества, сколько указывают на недостатки народовластия. Действительно, в этих речах присутствует антидемократические настроения, значительные сомнения в состоятельности правления многих людей и недовольство коллегиальностью власти. Тем не менее вся эта критика скорее относится к радикальной демократии, нежели к более умеренному ее варианту. К тому же периодически появляющаяся критика единоличной власти, которую не только высказывает оратор, но и заставляет высказывать ее Никокла, не позволяет причислить автора к монархистам. Тем более нельзя говорить о монархии, как об идеальной форме правления для Исократ. Как мне кажется, трудно согласиться с тезисом Фролова: «Принципиальное значение имело развитие Исократом взгляда на монархический образ правления как на лучшую форму правления вообще» [Фролов 2013, 834]. Мне представляется здесь более важным не теоретический взгляд на какую-либо форму правления, как на самую лучшую, а действительные возможности государства функционировать должным образом. То есть Исократу важно скорее не формальное устройство государства, а реальные результаты деятельности этого государства. Если это монархия во главе которой стоит благодетельный монарх, то оратор поддержит такого правителя. Если же это умеренная демократия, при которой властью обладают достойные и знающие люди, то такое государство тоже будет приветствоваться Исократом. На мой взгляд именно на такие мысли

наталкивает яркая параллель, указанная мной между «Ареопагитиком» (7.21–22) и «Никоклом» (3.15).

Во-вторых, ясно видна предвзятость и умышленное замалчивание оратором неудобной правды, касающейся кипрских монархов. В случае с Евагором историческая достоверность была принесена в жертву необходимости создания образа идеального правителя. Исократом двигало не желание создать точное жизнеописание царя, а стремление показать своему ученику пример правильного управления городом. Оратора можно понять. Отчасти здесь играл роль его интерес к сильной личности [Фролов 2013, 836]. К тому же он писал энкомий, а не биографию, так что логично ожидать всяческую похвалу царю. Что же касается Никокла, то Исократ, видимо, достаточно четко понимал недостатки своего ученика. Самый главный — его стремление к роскоши, о которой автор сам упоминает несколько раз. В таком же ключе о Никокле пишут и другие греческие авторы, однако, как я уже говорил, такое восприятие несколько шаблонное.

В-третьих, сравнивая Исократу с другими авторами, проясняется его позиция касательно некоторых деталей. Для него важно в первую очередь обелить образ единоличного правителя. Опираясь на общую критику монархического правления, он отвечает на нее и неким образом переворачивает. Те недостатки, которые приписываются монархиям, по Исократу, скорее присущи демократиям. Показательно его отношение и к законам. Выходя отчасти из руслу антидемократической критики законов, он не представляет законы главенствующей силой в полисе. Такой силой, по крайней мере в Саламине, является монарх. Тем не менее он не отвергает того, что даже при сильной царской власти могут существовать законы, по которым монарх должен выносить решения. Единоличная власть может быть законной. Получается своеобразный компромисс между абсолютной властью монарха над подданными и главенствующей ролью законов.

Заключая, я хочу сказать, что для более полного понимания политических предпочтений Исократa, конечно, необходимо исследование на материале всех его речей. Однако в рамках этой работы я постарался на обозримом материале трех речей сделать вывод о его взглядах в относительно ранний период творчества. В дальнейшем будет необходимо включить материалы поздних речей и добавить напрашивающееся сравнение со взглядами Платона.

Список литературы

1. Андреев Ю. В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1976. 142 с.
2. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: Т. 4. М., 1983. Т. 4. 830 с.
3. Доватур А. И. Феогнид и его время. Л., 1989. 205 с.
4. Евдокимов П. А. «Кипрская полития» Аристотеля и царская власть на Кипре. // Исследования по античной истории и культуре, 2018. С. 163 – 179.
5. Исаева В. И. Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994. 255 с.
6. Майер Ф.-Г. Кипр и Финикия. // Кембриджская история древнего мира. Том VI. Первый полутом. М., 2017. 624 с.
7. Россиус А. Полемика Исократа с Академией Платона. // Вестник древней истории Vol. 2, 1987. С. 93-102.
8. Соловьев Р. С. Исократ. Речь к Никоклу. М., 2020. 154 с.
9. Суриков И. Е. Античная Греция: Ментальность, религия, культура. (Opuscula selecta I). М., 2015. 720 с.
10. Тахтаджян С. А. Об одном исправлении Кораиса (*Isoc. Nic. 22*) // ПΑΡΑΤΟ ΦΩΣ ΙΔΕΙΝ, 2022. Р. 44-47.
11. Туманс Х. Несколько тезисов о феномене единовластия в древней Греции // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2016. Вып. 18, 1. С. 11–46.
12. Фролов Э. Д. Исократ. Малые аттические ораторы. М., 2013. 1072 с.
13. Фролов Э. Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Ленинград, 1991. 440 с.
14. Штраус Лео. О тирании. СПб, 2006. 328 с.

15. Asheri D, Lloyd A. Corcella A. A Commentary on Herodotus Books I-IV. Oxford, 2007. 721 p.
16. Blass F. Die attische Beredsamkeit. Zweite Abtheilung. Isokrates und Isaïos. Leipzig, 1874. 550 s.
17. Bloom A. The political philosophy of Isocrates. Chicago, 1955. 324 p.
18. Bringmann K. Studien zu den politishen Ideen des Isokrates. Göttingen, 1965. 113.
19. Christ R. M. Demosthenes on Philanthrōpia as a Democratic Virtue // Classical Philology Vol. 108, 2013. P. 202-222.
20. Christ R. M. Liturgy Avoidance and Antidosis in Classical Athens //: Transactions of the American Philological Association Vol. 120, 1990. P. 147-169.
21. Christodoulou P. Philosophie et pouvoir royale dans la pensée d'Isocrate et de Platon: le règne de l'expert politique // Cahiers du Centre Gustave Glotz Vol. 27, 2016. P. 137 — 169.
22. Cloché P. Isocrate et son temps. Paris, 1978. 140 p.
23. Crick N. Rhetoric and Power. The Drama of Classical Greece. Columbia, 2015. 260 p.
24. Drerup E. Isocratis operis omnia. Volumen 1. Lipsiae, 1906. 196 p.
25. Eucken C. Isokrates. Seine Positionen in der Auseinandersetzung mit den zeitgenössischen Philosophen. Berlin. 1983. 304 s.
26. Forster E. S. Cyprian Orations. Oxford, 1912. 160 p.
27. Forster. S. E. Isocrates Cyprian Orations. Oxford, 1912. 160 p.
28. Gigon O. Aristoteles Politik. Zürich, 1971. 556 s.
29. Isocrates. Works: In 3 vol. / With an english translation by G. Norlin. London; New York, 1928–1946 (The Loeb Classical Library)
30. Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Zweiter Teil. A. Leiden, 1986. 507 s.

31. Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Zweiter Teil. B. Kommentar. Leiden, 1962. 543 s.
32. Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Zweiter Teil. B. Leiden, 1962. 748 s.
33. Jaeger W. Paideia. The ideals of Greek Culture. Volume III. The conflict of cultural ideals in the age of Plato. Oxford, 1986. 382 p.
34. Jebb R. C. Selections from the Attic Orators. London, 1880. 396 p.
35. Jones A. H. M. The Athenian Democracy and Its Critics // The Cambridge Historical Journal, Vol. 11, № 1 1953. P. 1-26.
36. Koiv M. Basileus, tyrannos and polis. The Dynamics of Monarchy in Early Greece. 2016. 89 p.
37. Körner C. Monarchie auf Zypern im 5. und 4. Jahrhundert v. Chr.: Herrschaft von König und Polis? // Monarchische Herrschaft im Altertum. Berlin, 2017. 678 s.
38. Maas E. Untersuchungen zur Geschichte der Griechischen Prosa // Hermes, 22. Bd., H. 4, 1887. P. 566-595
39. Mathie G. Les idées politiques d'Isocrate. Paris, 1925. 233 p.
40. Mathie G., Bremond E. Isocrate, Discours. Tome I. Paris, 1928. 241 p,
41. Miller J. Euergetism, Agonism, and Democracy: The Hortatory Intention in Late Classical and Early Hellenistic Athenian Honorific Decrees // Hesperia, Vol. 85 №2, 2016. P. 385-435.
42. Mirhady C. D., Too Y. L. Isocrates I. Austin, 2000. 280 p.
43. Neserius P. G. Isocrates' Political and Social Ideas. // International Journal of Ethics, Vol. 43, 1933. P. 307-328.
44. Newman W. L. The Politics of Aristotle. Volume 1. Oxford, 1887. 580 p.
45. Newman W. L. The Politics of Aristotle. Volume 2. Oxford, 1887. 418 p
46. Newman W. L. The Politics of Aristotle. Volume 3. Oxford, 1887. 604 p
47. Newman W. L. The Politics of Aristotle. Volume 4. Oxford, 1887. 784 p

48. Nippel W. Zur Monarchie in der politischen Theorie des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. // *Monarchische Herrschaft im Altertum*. Berlin, 2017. 678 s.
49. Norlin G. *Isocrates*. Volume I. London, New York, 1928. 411 p.
50. Norlin G. Note on Isocrates' *Nicocles* 21 // *Classical Philology* Vol. 17 № 4, 1922. P. 356-357.
51. Ober J. *The orators*. *The Cambridge History of Greek and Roman Political Thought*. Cambridge, 2007. 728 p.
52. Papillon L. T. *Isocrates II*. Austin, 2004. 302 p.
53. Papillon L. T. *Isocrates*. // *A Companion to Greek Rhetoric*. Oxford, 2007. 616 p.
54. Parker V. Τύραννος. The Semantics of a Political Concept from Archilochus to Aristotle. // *Hermes*. 1998. № 126. pp. 145-172.
55. Pestarino B. *Kypriōn Politeia, the Political and Administrative Systems of the Classical Cypriot City-Kingdoms*. Leiden; Boston. 301 p.
56. *Pindari Carmina cum Fragmentis*. Pars I. *Epinicia*. Ed. Maehler H. Leipzig, 1980. 219 p.
57. Pöhlman R. *Isokrates und das Problem der Demokratie*. München. 1913. 171 s.
58. Poldrugo F. La persistenza della figura del "Wanax" miceneo a Cipro in età storica // *Studi Classici e Orientali*, Vol. 47 №1, 2001. pp. 25–51.
59. Poulakos T. *Speaking for the Polis: Isocrates' Rhetorical Education*. Columbia, 1997. 128 p.
60. Rhodes P. J. *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford, 1985. 809 p.
61. Romilly de J. *Eunoia in Isocrates or Political Importance of Creating Good Will*. // *The Journal of Hellenistic Studies*, Vol. 78, 1958. P. 92-101.
62. Romilly de J. *La douceur dans la pensée grecque*. Paris, 1979. 350 p.

63. Rosivach J. V. The Tyrant in Athenian Democracy // *Quaderni Urbinati di Cultura Classica*, Vol. 30, №36 1988. PP. 43-57.
64. Usher S. Greek Orators III: Isocrates. Panegyricus and To Nicocles. Warminster, 1990. 219 p.
65. Wehrli F. Die Schule des Aristoteles. Texte und Kommentar. Heft III. Klearchos. Basel; Stuttgart, 1969. 85 p.
66. Wilson N. G. Herodoti Historiae. Libri I-IV. Oxford, 2015.
67. Winton R. Herodotus, Thucydides and the sophists. // *The Cambridge History of Greek and Roman Political Thought*. Cambridge, 2007. 728 p.
68. Zajonz S. Isokrates' Enkomion auf Helena. Ein Kommentar. Köln, 2002. 344 s.